

то для полученія названной степени требуется болѣе удовлетворительная сдача устныхъ испытаній или письменныхъ работъ по тому предмету, по которому имѣются недостаточные баллы“.

е) § 171: „Кандидаты богословія, числящіеся по первому разряду, пользуются правомъ на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. Числящіеся по второму разряду должны, для удостоенія степени магистра богословія, выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4“.

2) Определеніемъ Святѣйшаго Синода, *отъ 8—20 января 1911 года за № 93*, между прочимъ постановлено: „Совѣты духовныхъ академій, по окончаніи учебнаго года: 1) препровождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 іюля требуемые, определеніемъ Святѣйшаго Синода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академій съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ усѣхахъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 2) вмѣстѣ съ сими списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую кафедру и на какую вообще должность въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ Совѣтъ Академіи каждаго изъ окончившихъ курсъ духовной Академіи, какъ обязанныхъ службою духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи“.—Упомянутыя здѣсь (п. 3) „заявленія“ поступили въ Совѣтъ Академіи отъ 40 воспитанниковъ, окончивающихъ нынѣ академическій курсъ.

3) Циркулярнымъ указомъ *отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3* Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распределенію окончившихъ курсъ въ духовныхъ

академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству, — въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій, установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ, на казенномъ содержаніи, а равно и воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но по окончаніи академическаго курса заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступаютъ въ вѣдѣніе Центрального Управленія сего вѣдомства.—2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, по отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родопроисхожденіи и др., а также взятые у нихъ точныя адреса ихъ мѣстожителства, — препрождаются Совѣтамъ академій вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожителства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету“.

4) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи не пользовались: *Бажановъ* Василій, *Вознесенскій* Теодоръ и *Постниковъ* Сергѣй (Твер.). — Изъ нихъ *Бажановъ* и *Постниковъ* заявили Совѣту Академіи о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.

5) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая—3 іюня 1905 года за № 2809 постановлено: „Въ виду того, что допущеніе иностранныхъ уроженцевъ на духовно-учебную службу въ предѣлахъ Россіи зависитъ отъ усмотрѣнія Святѣйшаго Синода, въ выдаваемыхъ академическимъ воспитанникамъ

изъ таковыхъ уроженцевъ дипломахъ и аттестатахъ, если ими не принята присяга на русское подданство, не должно быть обозначено ихъ право быть преподавателями въ русскихъ духовно-учебныхъ заведенiяхъ; вслѣдствiе чего академическимъ начальствамъ надлежитъ выдавать иностраннымъ уроженцамъ дипломы и аттестаты по особой соотвѣтственно сему изготовленной формѣ“.

6) Оканчивающiй нынѣ курсъ болгарскiй уроженецъ *Дмитрiй Долгеровъ* присяги на русское подданство не принималъ.

7) По § 109, лит. б п. 8, академическаго устава „присужденiе званiя дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословiя (§§ 165 и 166)“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академiи, представляемыхъ на утвержденiе мѣстнаго Епархiальнаго Архiерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическiй курсъ студентовъ:

- 1) Введенскаго Михаила,
Бѣльчикова Николая,
Куханова Александра,
Загорскаго Александра,
- 5) Колосова Сергѣя,
Голубцова Михаила,
Садовскаго Евгения,
Драчева Николая,
Щукина Александра,
- 10) Матвѣевича Виктора,
Свящ. Вышелѣскаго Константина,
Иванова Сергѣя,
Иеромонаха Варнаву (Бѣляева),
Сикова Михаила,
- 15) Архиппова Петра,
Прыткова Николая,
Арбекова Евгения,
Пясецкаго Петра,
Орлова Александра и
- 20) Свящ. Архангельскаго Юанна—

удостоить степени *кандидата богословiя*, съ причисленiемъ къ *первому* разряду и предоставленiемъ имъ права на полу-

ченіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній;

- Троицкаго Николая,
Дюлгерова Дмитрія (болг. урож.),
Ленчинскаго Ивана,
Свящ. Колчицкаго Николая,
25) Соловьева Алексѣя,
Никольскаго Григорія,
Десятова Александра,
Покровскаго Сергѣя,
Алферова Петра,
30) Покровскаго Гавріила,
Иеромон. Никиту (Сапожникова),
Свящ. Делекторскаго Θεодора,
Волскаго Харлампія,
Херсонскаго Василя,
35) Орлова Николая,
Петрова Сергѣя,
Вознесенскаго Θεодора,
Холмогорова Сергѣя,
Свящ. Крылова Григорія,
40) Никольскаго Леонида,
Аскалонова Стефана,
Любимова Александра,
Георгіевскаго Сергѣя,
Бажапова Василя,
45) Свящ. Мещерскаго Константина,
Никольскаго Николая,
Пигунова Александра и
48) Постникова Сергѣя (Твер.)—

удостоитъ степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ ихъ ко *второму* разряду:

- Гераскевича Николая и
50) Цвишева Ивана—

удостоитъ званія *дѣйствительнаго студента*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ курсовыхъ сочиненій, — каковое постановленіе и представитъ на Архiepиастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Въ случаѣ утверждѣнія Его Высокопреосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. 1-мъ,—

2) Препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ всѣхъ окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложениемъ подлинныхъ заявленій 40 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента, — препроводить въ Учебный Комитетъ и всѣ документы казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству; документы же кандидата *Вознесенскаго Осодора*, о такомъ желаніи не заявившаго, выдать ему на руки подъ собственноручную росписку.

4) Болгарскому уроженцу *Дюлгерову Дмитрію* изготовленный на особой формѣ кандидатскій дипломъ также выдать на руки подъ росписку.

5) Студента *Бѣляева Николая* оставить въ IV курсѣ на второй годъ.

6) Студентамъ: *Вахаеву Михаилу* и *Соколову Александру* разрѣшить сдать устные испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августъ мѣсяцъ сего 1915 года, послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи ихъ ученой степени или званія.

IV. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ оставленіи при Академіи на годичный срокъ кого-либо изъ окончивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—а) § 73: „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія

для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи“; б) § 75: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленномъ штатомъ размѣрѣ“ (нынѣ, за 3⁰/₀-мъ вычетомъ на пенсіи, — по 679 руб. въ годъ каждый).—2) По § 109, лит. б п. 2, академическаго устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Оставить при Академіи на 1915—1916 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи *Введенскаго Михаила* и *Бѣльчикова Николая*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго 1915 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому.—2) Постановленіе сіе представить на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

V. Занимались составленіемъ *рописанія повѣрочныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августъ мѣсяцъ текущаго 1915 года для поступленія въ составъ новаго (LXXIV) академическаго курса.

Справка: По § 109, лит. б п. 7, устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ комиссій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Проектъ рописанія повѣрочныхъ испытаній представить при журналѣ настоящаго собранія на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „9 іюля 1915. Исполнить“.

5 июня 1915 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора — С. С. Глаголевъ, М. М. Таръевъ, С. П. Смирновъ и Д. И. Введенскій; заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ; экстраординарные профессора—священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, протоіерей Д. В. Рождественскій, священникъ П. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святыишаго Синода, отъ 28 апрѣля за № 5488:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святыишій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 1 апрѣля 1915 года за № 94, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи *Феодору Андрееву* установленнаго срока для представленія магистерской диссертациі на два года—до 16 августа 1917 г. Приказали: Обсудивъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святыишій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи *Феодору Андрееву* установленный срокъ для представленія магистерской диссертациі на одинъ годъ—до 16 августа 1916 г.; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святыишаго Синода за № 5488

объявить и. д. доцента Академіи по кафедрѣ систематической философіи и логики *О. К. Андрееву*.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 28 апрѣля за № 5489:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представление Вашего Преосвященства, отъ 1 апрѣля 1915 года № 93, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разрѣшеніи принять священника церкви села Покровскаго, Михайловскаго уѣзда, Рязанской епархіи, *Евгенія Климентовскаго*, съ начала будущаго 1915—1916 учебнаго года, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса помянутой академіи, съ дозволеніемъ ему жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представлеію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту означенной академіи принять священника церкви села Покровскаго, Михайловскаго уѣзда, Рязанской епархіи, *Евгенія Климентовскаго*, съ начала будущаго 1915—1916 учебнаго года, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса академіи, съ дозволеніемъ ему жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 5489 объявить священнику *Евгенію Климентовскому*.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „12 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 8 мая за № 6062:

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 1 мая 1915 г. за № 4450, въ коемъ изложено, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Оберъ-Прокурора. Всемилостивѣйше соизволилъ, въ Царскомъ Селѣ, въ

27 день минувшаго апрѣля, на разрѣшеніе и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи *Александрю Ремезову* отпуска для поступленія на краткосрочные курсы въ Николаевское инженерное училище и затѣмъ въ дѣйствующую армію на 1915—1916 учебный годъ (если демобилизація арміи не будетъ произведена ранѣе этого срока), съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и оклада содержания по занимаемой въ академіи должности. Приказали: Объ извѣщенномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи увѣдомить указомъ Ваше Преосвященство“.

Опредѣлили: Содержание указа Святѣйшаго Синода за № 6062 объявить и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и описанія русскаго сектанства *А. В. Ремезову* и сообщить Правленію Академіи — для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ подписью: „18 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 15 мая за № 6248:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 7 мая 1915 г. № 152, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о возведеніи *Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго Владиміра*, на основаніи § 175 Уст. Импер. дух. акад., въ степень доктора богословскихъ наукъ. Приказали: Согласно настоящимъ ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) возвести Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго Владиміра, на основаніи § 175 Уст. Импер. дух. акад., въ степень доктора богословскихъ наукъ, и 2) поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ выдать Преосвященному Митрополиту Владиміру докторскій крестъ, о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго указами“.

Опредѣлили: Изготовить для Высокопреосвященнѣйшаго *Владимира*, Митрополита Петроградскаго и Ладожскаго, дипломъ на степень доктора богословія и препроводить оный Его Высокопреосвященству.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „26 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 мая за № 6790:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 10 марта 1915 года за № 74, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи инспектора Владимірской духовной семинаріи, кандидата богословія, *протоіеря Дмитрія Садовскаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Историко-гомилетическое изслѣдованіе“, и 2) представленіе Преосвященнаго Новгородскаго, отъ 1 мая 1915 г. съ отзывомъ о помянутомъ сочиненіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Новгородскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить инспектора Владимірской духовной семинаріи, кандидата богословія, *протоіеря Дмитрія Садовскаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Историко-гомилетическое изслѣдованіе“; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Владимірскаго указами“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „31 мая 1915. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 28 мая за № 7023:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 декабря 1914 года

за № 592, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи законоучителя Московскаго Александровскаго Института, кандидата богословія, священника *Николая Виноградова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“ и 2) представленіе Преосвященнаго Иркутскаго, отъ 20 мая 1915 года № 118, съ отзывомъ о помянутомъ сочиненіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Иркутскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить законоучителя Московскаго Александровскаго Института, кандидата богословія, священника *Николая Виноградова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Изготовить для инспектора Владимірской духовной семинаріи протоіерея *Димитрія Сидовскаго* и законоучителя Московскаго Александровскаго Института священника *Николая Виноградова* магистерскіе дипломы и выдать оныя по принадлежности.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академіи 24 апрѣля с. г. —

а) за № 4: „7 мая 1915. Исполнить“.

б) за № 5: „23 мая 1915. Исполнить“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VII. Благодарственныя письма *Иочетныхъ Членовъ* Академіи:

а) Высокопреосвященнѣйшаго *Митрофана*, Митрополита Черногорскаго и Приморскаго, отъ 28 апрѣля с. г. (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи):

„Имѣю особенную честь увѣдомить Васъ о полученіи мною драгоцѣннаго письма Вашего Преосвященства отъ 14 фев-

раля сего года за № 284, въ которомъ любезно сообщаете объ избраніи моемъ въ почетные члены Императорскоѣ Московской Духовной Академіи, каковое званіе я съ душевнымъ удовольствіемъ принимаю; вмѣстѣ съ письмомъ, переданнымъ мнѣ лично уполномоченнымъ Русскаго Общества Краснаго Креста, Н. Ф. Езерскимъ, я получилъ также и относящійся къ сему дипломъ.

Столь высокое вниманіе, которымъ Совѣтъ одной изъ старѣйшихъ академій въ Россіи удостоилъ мою смиренность, до такой степени тронуло меня, что я не нахожу довольно словъ, которыми могъ бы выразить свою благодарность какъ ученому Совѣту Академіи, такъ равно и Святѣйшему Синоду, соблаговолившему мое избраніе утвердить.

Многочисленны воспоминанія, преисполняющія мое сердце чувствами безпредѣльной благодарности по отношенію къ Россіи и связывающія меня съ нею—и какъ сына неизмѣнно преданной Россіи Черногоріи, и какъ архіерея, получившаго свое посвященіе 30 лѣтъ тому назадъ въ престольномъ городѣ Имперіи, Петроградѣ, и всегда пользовавшагося съ тѣхъ поръ и понынѣ рѣдкимъ вниманіемъ и благосклонностью какъ со стороны Святѣйшаго Синода и русскихъ іерарховъ, такъ равно и со стороны русскаго общества вообще. Сія благосклонность и вниманіе я имѣлъ счастье испытать въ особености во время моего пребыванія въ св. городѣ Кіевѣ по случаю торжества 900-лѣтія крещенія Руси, и посѣщенія мною, тогда же, златоглавой Москвы и св. Троицко-Сергіевской Лавры, въ которую влекло меня желаніе—поклониться мощамъ святителя Сергія Радонежскаго чудотворца. Вотъ въ это именно время я имѣлъ особенное удовольствіе побывать и въ Императорскоѣ Московской Духовной Академіи, чей Совѣтъ нынѣ оказалъ мнѣ такую высокую честь и удостоилъ такого отличія, для которыхъ мое дѣланіе въ виноградникѣ православной церкви Черногорской слишкомъ, слишкомъ скромно. Эти драгоценныя знаки непрекращающагося ко мнѣ вниманія исключительно дороги для меня именно въ настоящее время, когда, подъ предводительствомъ нашей вѣковой защитницы, единовѣрной и единокровной намъ Россіи, должна осуществиться завѣтная мечта всѣхъ истинныхъ славянъ объ ихъ единеніи въ одну великую духовно-правственную семью; время, когда само

Провидѣніе призвало Россію—возстановить на грѣшной землѣ давно желанный и ожидаемый миръ и правду.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе настоящихъ обстоятельствъ военнаго времени, отправить для академической библіотеки мои скромныя печатныя сочиненія, сочту своимъ пріятнымъ долгомъ это сдѣлать, какъ только представится первый благопріятный случай.

Набожно поклоняясь св. мощамъ святителя Сергія Чудотворца, поручая себя и свою паству св. молитвамъ Вашего Преосвященства и посылая членамъ Совѣта ввѣренной Вамъ Академіи мое архіерейское благословеніе, почтительнѣйше прошу Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, быть истолкователемъ передъ Совѣтомъ Академіи моей глубокой благодарности и признательности за оказанныя мнѣ высокую честь и вниманіе“.

б) Высокопреосвященнѣйшаго *Димитрія*, Архіепископа Бѣлградскаго, Митрополита Сербіи, отъ 9 апрѣля ст. за № 540:

„Я получилъ дипломъ, которымъ по избранію Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи утверждень въ званіи почетнаго члена этого высокаго расадника Православной просвѣтительности.

Этимъ избраніемъ я дорожу какъ самымъ радостнымъ событіемъ своей жизни, и отъ всей души благодарю высокоученыхъ и многозаслуженныхъ членовъ Академическаго Совѣта за оказанную мнѣ честь. Особенно благодарю ихъ, что они этимъ чномъ въ моей особѣ высоко почествовали своимъ вниманіемъ самую Церковь Сербскую, которой я теперь Первопрестоятель.

Я хорошо знаю, сколько Императорская Московская Духовная Академія сдѣлала для святого Православія во всемъ православномъ мірѣ, и особенно сколько юныхъ сербовъ воспитала, которые послужили съ истинной преданностью нашей сербской Церкви. Знаю и эти великія свѣтила, которыя получивъ прочное образованіе въ Императорской Московской Духовной Академіи прославили святую русскую и всю православную Церковь. Поэтому я глубоко душевно радуюсь быть другомъ пынѣвшихъ ученыхъ труженниковъ Императорской Московской Духовной Ака-

демин. Имена ихъ стали мнѣ ужъ давно очень дороги, ибо часто имѣлъ надобность пользоваться ихъ учеными трудами.

Съ своей стороны я буду и въ будущемъ настаивать на упроченіи связи между дѣятелями русской и сербской церкви. Равнымъ образомъ я буду стараться, чтобы молодые сербы учились высокимъ богословскимъ наукамъ въ любимой мною Императорской Московской Духовной Академіи.

Господь да помилуетъ насъ и да подарить нашимъ войскамъ и войскамъ нашихъ друзей союзниковъ совершенныя побѣды надъ нечестивымъ врагомъ мира и любви Христовой“.

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

VIII. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„По возбужденному Совѣтомъ Императорской Московской Духовной Академіи ходатайству объ учрежденіи *нагруднаго знака* по случаю исполнившагося 1 октября 1914 года *столѣтняго юбилея* Академіи послѣдовалъ указъ Святейшаго Синода, отъ 5 февраля 1915 года за № 1460, въ коемъ изъяснено было, что, рассмотрѣвъ означенное ходатайство, совокупно съ рисункомъ помянутаго знака и образцовымъ экземпляромъ онаго, Святейшій Синодъ „не признаетъ этотъ знакъ, въ которомъ центральное мѣсто занимаетъ большая фигура орла, а святой крестъ и евангеліе помѣщены въ маленькихъ размѣрахъ и притомъ ниже орла, у его ногъ, удовлетворительнымъ, а посему опредѣляетъ: представить Совѣту Императорской Московской духовной академіи выработать новый, болѣе соответствующій высшему богословскому духовно-учебному заведенію, знакъ и засимъ представить его, въ установленномъ порядкѣ, Святейшему Синоду“.

По предварительномъ обсужденіи вопроса въ одномъ изъ предшествующихъ собраній Совѣта, я обратился къ Почетному Члену Академіи—профессору живописи Виктору Михайловичу *Васнецову* съ просьбою помочь Академіи въ этомъ дѣлѣ своимъ талантомъ и опытностью.

Съ величайшею готовностію принялъ на себя предлагаемый трудъ маститый художникъ и, давъ идею, вложенной въ первоначальный рисунокъ знака, собственное оригиналь-

ное выраженіе, примѣнительно къ указаніямъ Святѣйшаго Синода, выработалъ новый рисунокъ нагруднаго юбилейнаго знака, снабдивъ его нижеслѣдующимъ описаніемъ:

„Нагрудный знакъ въ память столѣтія Императорской Московской Духовной Академіи состоитъ изъ золоченаго лавроваго вѣнка, увѣчающаго серебряною (или золоченною) Императорскою короною.

Внизу вѣнка—золоченный картушъ съ инициалами:

И. М. Д. А.

красною эмалью, и обозначеніемъ годовъ:

1814—1914

бѣлою эмалью.

Внутри вѣнка помѣщаются на эмалевомъ синемъ звѣздномъ фонѣ: золотой православный крестъ; на немъ раскрытое Св. Евангеліе, на бѣлыхъ раскрытыхъ листахъ котораго темною эмалью помѣщено:

EN ARXH HN O LOGOS.

Ниже Св. Евангелія—серебряный (оксидированный) орель съ бирюзовымъ эмалевымъ нимбомъ, какъ символъ св. Евангелиста Іоанна Богослова.

Весь знакъ имѣетъ видъ креста древняго характера.

Величина этого знака можетъ быть нѣсколько уменьшена.

Юбилейный знакъ назначается для пошенія на правой сторонѣ груди и имѣетъ позади булавку“.

Устно профессоръ В. М. Васнецовъ присовокупилъ, что, по утверженіи рисунка, онъ охотно приметъ на себя наблюденіе за изготовленіемъ перваго образцоваго экземпляра знака.

Честь имѣю сообщить о семъ Совѣту Академіи для обсужденія и дальнѣйшаго направленія означеннаго дѣла“.

Опредѣлили: 1) Находя, что въ новомъ рисунокѣ нагруднаго знака по случаю исполнившагося 1 октября 1914 года столѣтняго юбилея Императорской Московской Духовной Академіи, выработаннымъ профессоромъ живописи В. М. Васнецовымъ, совершенно устралены тѣ несоотвѣтствія, которыя поставлены были на видъ Совѣту Академіи указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 февраля с/г. за № 1460,—просить

ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи по этому рисунку помянутаго нагруднаго юбилейнаго знака—для Высокопреосвященнаго Попечителя и лицъ, числившихся ко дню столѣтняго юбилея Почетными Членами Академіи, для всѣхъ служившихъ и служащихъ при Академіи лицъ, для всѣхъ бывшихъ питомцевъ Академіи и для студентовъ I, II, III и IV курсовъ юбилейнаго 1914—1915 учебнаго года и объ утвержденіи проекта положенія объ ономъ, изложеннаго въ представленіи Святѣйшему Синоду Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управляющаго Московскою епархіею, отъ 3 іюня 1914 года за № 301.—2) Г. Почетному Члену Академіи—профессору живописи *В. М. Васнецову*, за любезно принятый имъ на себя трудъ выработки рисунка нагруднаго знака, выразить отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность.

IX. А. Отзвыы о книгѣ о. настоятеля Московскаго придворнаго Архангельскаго собора, *протоіеря Николая Изъкова*—„Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII в.“. М. 1906 г. и о брошюрахъ: „Соборный храмъ во имя Преображенія Господня, что на Бору, при Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ. М. 1913 г.“ „Московскій придворный Благовѣщенскій соборъ. М. 1911 г.“, „Верхоспасскій соборъ въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ. М. 1912 г.“, „Церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и праведнаго Лазаря въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, въ Москвѣ. М. 1912 г.“, „Церковь во имя Рождества св. Іоанна Предтечи, что въ Боровицкой башнѣ, въ Московскомъ Кремлѣ. М. 1913 г.“, „Церковь во имя св. Великомученицы Екатерины, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ. М. 1912 г.“ „Церкви во имя Воскресенія Христова и Воздвиженія Честнаго Креста Господня при Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ. М. 1912 г.“, „Церковь во имя Положенія Ризы Богоматери во Влахернѣ съ часовнею Печерской Божіей Матери при Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ. М. 1912 г.“, представленныхъ въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

1) Доцента Академіи по кафедрѣ церковной археологій
Н. Д. Протасова:

„Для того, кто занимается исторіей русскаго церковнаго искусства, особенный интересъ и значеніе представляютъ памятники той части кремлевской мѣстности г. Москвы, которая опредѣляется, съ одной стороны, стѣной между Боровицкими и Троицкими воротами, съ другой—прямой линіей отъ Троицкихъ воротъ къ памятнику Александру II, съ третьей—кремлевской-же стѣной отъ памятника Александру II по направленію къ Боровицкимъ воротамъ. Этотъ площадной треугольникъ можно справедливо назвать зародышемъ Москвы: здѣсь была княжеская резиденція, скромную обстановку которой смѣнили роскошь и богатство царскаго быта, здѣсь строены были первыя московскія церкви, вызванныя необходимостью для членовъ царской семьи имѣть *свои* храмы. Само собою понятно, что эти дворцовыя церкви въ отношеніи своей архитектуры и убранства находились въ исключительныхъ условіяхъ. Лучшія художественныя силы того времени отдавали свой трудъ и время на это дѣло. Рѣдчайшія иконы, утварь и все, что припосилось въ даръ Царю и его семьѣ не только подданными, но и, что особенно важно, восточными патріархами, поступало въ дворцовыя церкви, здѣсь тщательно хранилось, описывалось. И конечно, съ знакомства съ этими памятниками—выразителями степенн художественнаго развитія той или другой эпохи и долженъ начинать изслѣдователь исторіи церковнаго русскаго искусства въ московскій періодъ. Сказаннаго достаточно, чтобы понять весь интересъ взятой о. протоіереемъ Н. Д. Извѣковымъ темы. Въ перечисленныхъ выше трудахъ онъ задался цѣлью дать „полное и обстоятельное описаніе... Московскихъ Кремлевскихъ придворныхъ церквей и быта служившихъ при нихъ лицъ въ XVII столѣтіи“ („Московск. Кремл. дворцов. церкви и служ. при нихъ лица въ XVII стол.“, стр. 1).

Какъ же выполнилъ авторъ свою задачу?

Представленные о. Н. Д. Извѣковымъ перечисленные печатные труды можно раздѣлить на двѣ части: одно цѣлое изслѣдованіе (268 стр. форм. $\frac{1}{4}$ печатн. листа) подъ заглавіемъ—„Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII вѣкѣ“, напечатанное во II

томъ „Трудовъ комиссиі по осмѣтру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи“ въ 1906 году, и—съ другой стороны—8 брошюръ, отисковъ подъ заглавіями, перечисленными выше (сумма страницъ = 429 обычнаго формата). Эти послѣднія печатались о. Извъковымъ въ журналѣ „Чтенія въ Общ. любит. дух. просв.“ за 1911—13 гг.

Итакъ, печатные труды о. Извъкова въ общемъ представлены на 697 страницъ. Однако при первомъ знакомствѣ съ ними оказывается, что ихъ почтенный объемъ долженъ быть значительно сокращенъ, потому что указанные брошюры представляютъ собою не что-нибудь существенно новое, новую работу, а почти цѣликомъ входятъ въ первое большое изслѣдованіе „Моск. кремл. дворц. церкви“, именно повторяютъ съ нѣкоторыми дополненіями первую часть послѣдняго, гдѣ идетъ рѣчь специально о дворцовыхъ церквахъ. На самомъ дѣлѣ, описаніе „соборной церкви Благовѣщенія Пр. Богородицы съ придѣльными храмами во имя св. Василія Кесарійскаго“ и др. (стр. 6—34) вполне укладывается въ брошюру „Московскій придворный Благовѣщенскій соборъ“ М. 1911 г.: подотдѣлъ—„Соборная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы съ придѣлами въ честь прав. Лазаря“ и др. (стр. 34—43) дополненъ въ брошюру „церкви во имя Рождества Пр. Богородицы и Прав. Лазаря въ Больш. Кр. дворцѣ въ Москвѣ“ М. 1912 г.; подотдѣлъ „Церковь во имя св. Велик. Екатерины съ придѣломъ пр. Онуфрія (стр. 43—47) расширенъ въ брошюру „Церк. во имя св. Екатерины Велик. въ Больш. Крем. дв. въ Москвѣ“ М. 1912 г.; и т. д. Перечисленные брошюры есть, въ сущности, второе изданіе напечатанныхъ лѣтъ 6—7 назадъ этюдовъ въ указанномъ выше цѣломъ изслѣдованіи. Это обстоятельство нѣсколько облегчаетъ задачу рецензента и позволяетъ не разсматривать каждую брошюру въ отдельности, а подвести общій итогъ работы автора.

Въ своемъ трудѣ о. Извъковъ даетъ описаніе церкви на той дворцовой площади, которую мы выше очертили, какъ древнѣйшую часть Москвы, говоритъ о служившихъ при этихъ церквахъ въ XVII столѣтіи лицахъ, составѣ и содержаніи причтовъ церквей, касается государевыхъ пѣвчихъ діаковъ, крестовыхъ священниковъ съ діаками, останавливается на характеристикѣ правовъ и обычаевъ служившихъ при

дворцовыхъ церквахъ лицъ, даетъ нѣсколько приложений и заканчиваетъ свой трудъ краткимъ объяснительнымъ словарикомъ „наиболѣе затруднительныхъ для пониманія названій лицъ и предметовъ“.

Въ главную заслугу автору нужно поставить его правильный взглядъ на источники своей работы. Въ примѣчаніяхъ читатель встрѣчаетъ ссылки на такія сокровищницы научнаго матеріала, какъ, напр., Московское отдѣленіе Общаго архива минист. Императ. Двора, архивы Минист. иностр. дѣлъ, московской Синодальной бібліотеки, Москов. духовн. Колегіи и пр. Видно, что авторъ самъ просматривалъ подлежащій матеріалъ и особенно много извлекъ изъ описныхъ книгъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ (изд. пок. Викторовымъ) и изъ столбцовъ XVII вѣка, хранящихся въ Дворцовомъ архивѣ. Эти послѣдніе проливаютъ такъ много свѣта на исторію русскаго искусства въ XVII вѣкѣ, что занимающемуся этой послѣдней приходится иногда совершенно перемѣнять свой взглядъ на ту или другую подробность художественнаго быта XVII вѣка. Достаточно вспомнить здѣсь хотя-бы исторію съ датированіемъ иконописи въ придѣлахъ (въ главахъ) Благовѣщенскаго собора...

Цѣнный рукописный, въ значительной мѣрѣ еще не использованный, матеріалъ даетъ возможность автору ярко и красочно характеризовать, напр., отношенія къ дворцовымъ причтамъ членовъ Царской Семьи въ XVII вѣкѣ. Въ ней всякое радостное событіе отмѣчалось подарками священнослужителямъ. Мало того, даже такое, повидимому, ординарное явленіе, какъ чтеніе евангелія на Страстной, не оставалось безъ вниманія Царя: священники получали въ подарокъ по куску сукна. И характерно, что съ теченіемъ времени такіе подарки въ глазахъ чтецовъ сдѣлались чѣмъ-то должнымъ, и мы встрѣчаемъ даже челобитныя „поповъ“ царямъ съ напомнаніемъ о сукнѣ на шубу (стр. 174)... Чѣмъ-то специфическимъ отдаетъ, съ другой стороны, отъ взглядовъ на кievское просвѣщеніе, какъ на еретичество, дьячка Благовѣщенскаго собора Константина Иванова. Въ 1650 г. въ кельѣ „черница“ Саула собралась компанія. Бывшій здѣсь названный дьячекъ и еще двое „шентались между собой про боярина Федора Ртищева, что-де учится онъ греческой грамотѣ у Кіевлянъ а въ той грамотѣ еретичество есть“.

Дьячку поручаютъ даже сказать Благовѣщенскому протопопу, что онъ, дьячокъ, не желаетъ учиться у кievскихъ „чернцовъ“, потому что кто по латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился“ (стр. 210).

Вообще нужно сказать, что часть культурно-бытовая въ произведеніи о. Извѣкова „Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“ читается съ интересомъ, благодаря умѣлому комбинированію подлежащаго матеріала. Видно хорошее знакомство автора съ подлиннымъ матеріаломъ, изъ котораго приводимые отрывки всегда красочны, рельефны.

Предоставляя эту вторую часть труда о. Извѣкова—церковно-историческую—прямоу вниманію специалиста по русской церковной исторіи, я считаю своимъ долгомъ остановиться на первой части, гдѣ идетъ рѣчь о дворцовыхъ церквахъ, оцѣнить работу автора со стороны *историко-археологической*.

Научная цѣнность того или другого предмета, который подлежитъ археологическому анализу, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, извѣстна ли и принимается ли въ расчетъ та обстановка, въ которой находился послѣдній? На самомъ дѣлѣ, что сказать, напримѣръ, о деревянномъ рѣзномъ крестѣ, „похожемъ“ на патріаршіе кресты посошныя, если неизвѣстно, откуда такой предметъ взять, есть ли на немъ какой-нибудь графическій элементъ и пр.? Конечно, можно принять относительно его только одно: снѣ „похожъ“ на помянутые патріаршіе кресты, но откуда онъ, какое его назначеніе, какова датировка—все это вопросы, которые въ данномъ случаѣ остаются безъ отвѣта и, слѣдовательно, самый крестъ теряетъ какую бы то ни было научную цѣнность. Можно составить два большихъ тома описанія этого креста, подробно говорить о его формѣ, устанавливать его мѣсто въ эволюціи креста вообще, предполагать мѣсто его происхожденія и художника, снабдить описаніе внушительными примѣчаніями, и, однако, получится не ученое сочиненіе, а каталогъ выставки. Здѣсь можно удовлетворить свое любопытство, но не научный интересъ. И разъ неизвѣстна историческая конъюнктура этого предмета, онъ не можетъ дать темы археологу. Ученое сочиненіе, претендующее дать исчерпывающее, полное обслѣдованіе того или другого предмета въ археологическомъ отношеніи, должно прежде всего дать отчетъ относительно исторической конъюнктуры его, если

само собой разумѣется, извѣстна или вполнѣ доступна опредѣленію его дата. Приступая къ знакомству съ большимъ обслѣдованіемъ о. Извѣкова „Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, нужно прежде всего сказать, что автору совершенно неизвѣстно такое элементарное и необходимое требованіе, которое прилагается къ каждому сочиненію археологическаго характера.

Въ началѣ своей работы авторъ останавливается на вопросѣ о многочисленности дворцовыхъ церквей и отвѣчаетъ указаніемъ съ одной стороны, на „преобладаніе у насъ на Руси въ XVII вѣкѣ религіознаго интереса“ (стр. 6), а съ другой— „расширеніе дворца, вслѣдствіе увеличенія числа членовъ царствующаго Дома съ особыми дворами, что естественно потребовало устройства для нихъ и отдѣльныхъ церквей“ (стр. 6).

Съ такимъ легкимъ отвѣтомъ согласиться нельзя.

Извѣстно, что не всѣ дворцовыя церкви получили свое начало въ XVII вѣкѣ. Самъ авторъ признаетъ, что основаніе настоящей каменной церкви Благовѣщенія, что „у Государя на верху“, относится къ XIV вѣку (1393 г.), ко времени сына Дмитрія Донскаго Василя Дмитріевича (стр. 7). Извѣстно, далѣе, что ц. Рождества Богородицы съ придѣломъ св. Лазаря на сѣняхъ дворца была выстроена при дворцѣ по повелѣнію великаго князя Василя Ивановича въ 1514 году архитекторомъ Фрязиномъ Алевизомъ Новымъ, построеннымъ и церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ въ 1508 году. Тотъ же Государь въ 1527 г. ставитъ у себя „на дворѣ“ каменную церковь во имя Преображенія Спаса (на „Бору“) съ придѣлами (ср. Извѣковъ „Соборный храмъ во имя Преображенія Господня, что на „Бору“ при Большомъ кремлевскомъ дворцѣ“. М. 1913 г.). Срѣтенскій соборъ, какъ признаетъ и самъ авторъ, также былъ поставленъ въ 1560—61 гг. при Иванѣ Грозномъ (см. „Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 43). Достаточно и этихъ свѣдѣній, чтобы видѣть историческую неточность о. Извѣкова. Его объясненіе причины многочисленности дворцовыхъ церквей особенной религіозностью XVII вѣка оказывается неумѣстнымъ: такая религіозность одинаково сильна, слѣдовательно, была и въ XV, и въ XVI вв. Возможно, что, если не всѣ, то большая часть дворцовыхъ церквей была проектирована еще при постройкѣ дворца Фрязиномъ Алевизомъ. И если въ паличномъ лѣтописномъ

материалъ мы *пока* не встрѣчаемъ доказательствъ этого, то отсюда нельзя дѣлать отрицательныхъ выводовъ. Что касается XVII вѣка, то въ немъ мы наблюдаемъ лишь особенное, заботливое отношеніе къ дворцовымъ церквамъ членовъ Царской семьи, которое выражалось въ украшеніи храмовъ различными приношеніями, поновленіями росписи и т. п. Часто бывало, что пожаръ уничтожалъ деревянную церковь во дворцѣ,—въ XVII вѣкѣ на мѣстѣ сгорѣвшей строили каменную. Такъ было, напримѣръ, съ церковью Екатерининской, что у Государыни „на сѣнѣхъ“: на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1627 году деревянной была построена извѣстнымъ Джономъ Талеромъ въ томъ же году каменная („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 47).

Всѣхъ этихъ краткихъ справокъ достаточно, чтобы видѣть, что дворцовыя кремлевскія церкви въ своемъ большинствѣ относятся отнюдь не къ XVII вѣку, и, слѣдовательно, считать причиной ихъ построенія особенную религіозность XVII вѣка неосновательно.

Другая причина, выставляемая о. Извѣковымъ,—умноженіе членовъ царской семьи и рода, что также въ XVII вѣкѣ повело къ умноженію дворцовыхъ церквей (см. „Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 6). Опять, въ отношеніи исключительно XVII вѣка этого говорить не приходится. Извѣстно, напримѣръ, что и великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1560 году „дѣтемъ своимъ повелѣ дѣлати дворъ особой на Възрубѣ позади набережныя большіе полаты, и на дворѣ у нихъ храмъ большой, Стрѣтеніе, и учини ту Протопопствіе и къ Соборомъ причте... а брату своему, К. Юрію Васильевичу, мѣсто очистити, ... и церковь ставити на Кляземъ дворѣ на сѣнѣхъ, Введеніе“. Конечно, и у потомковъ Ивана Грознаго могло возникать желаніе выстроить церковь для тѣхъ или другихъ своихъ родныхъ, но это не было исключительной особенностью XVII вѣка. Вѣдь и самъ авторъ признаетъ, что на долю XVII вѣка, по указанной имъ причинѣ, выпало построеніе лишь такихъ церквей: Перукотвореннаго Спасова образа, что у царевенъ меньшихъ, Успенія Пр. Богородицы у царевенъ большихъ и св. апостоловъ Петра и Павла („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 6). Только эти церкви были вызваны расширеніемъ дворца.

Думается, если бы авторъ пошелъ инымъ путемъ, путемъ, напр., рѣшенія вопроса о *посвященіи* той или другой дворцовой церкви, онъ могъ бы дать болѣе реальное объясненіе увеличенія количества дворцовыхъ церквей. Известно, на примѣръ, что названія церквей— Положенія Ризы Пр. Богородицы у юго-западнаго угла Успенскаго собора и Похвалы Пр. Богородицы у алтаря того же собора обязаны своимъ происхожденіемъ намѣреніямъ св. митр. Іоны (въ 1451 и 1453 гг.) подчеркнуть въ первомъ случаѣ *день*, когда произошло замѣчательное отраженіе москвичами полчищъ ордынскаго царевича Мазовши, а въ другомъ—обращеніе въ бѣгство татаръ Седи-Ахматовой орды, *похвалявшихся* разгромить Москву. Правда, о. Извѣковъ говоритъ, что Евдокіипская церковь была устроена въ честь ангела царицы Евдокіи Лукьяновны (1627 г.), но оснований для такого утвержденія онъ не даетъ никакихъ („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 50). Несомнѣнно, если бы онъ поставилъ построеніе или возобновленіе дворцовыхъ церквей въ связь съ жизнью Царской семьи, ему было бы легко дать вполне научное рѣшеніе вопроса о многочисленности храмовъ во дворцѣ. Мы видѣли бы тогда, что нѣкоторыя церкви были вызваны или благодарностью за оказанныя милости, или горячей молитвой о помощи, другіе—желаніемъ просто устроить помѣщеніе или ризницу для накопившихся отъ подношеній иконъ, сосудовъ и пр. Такъ авторъ, говоря о придѣлахъ папъ напертями Благовѣщенскаго собора („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 24 и слѣд. и „Московскій придворный Благовѣщенскій соборъ“, стр. 7, 8 и слѣд.), совершенно умалчиваетъ объ ихъ посвященіи, оставляя, такимъ образомъ, въ тѣни вопросъ, почему въ этихъ придѣлахъ мы встрѣчаемъ такое неразборчивое, повидимому, смѣшеніе и произвольное перемѣщеніе однихъ иконъ на мѣсто другихъ въ Деисусъ? Вѣдь должна же быть какая-нибудь причина такого нарушенія порядка иконъ?

Рецензентъ считаетъ необходимымъ здѣсь же подчеркнуть главный недостатокъ рецензируемаго труда о. Извѣкова: авторъ совершенно игнорируетъ историческую конъюнктуру, устраняетъ съ ея поля всякій анализируемый вопросъ и беретъ каждую дворцовую церковь, какъ самостоятельный предметъ, который нужно только *описать*. Между тѣмъ, нельзя

забывать, что кремлевскія дворцовыя церкви были въ собственномъ смыслѣ *домовыми*, раздѣлявшими отчасти судьбы дворца и его обитателей.

Если бы о. Извѣковъ руководился этимъ общимъ принципомъ, который приложимъ къ разработкѣ всякой археологической темы, его изслѣдованіе значительно выиграло бы въ стройности, давало бы цѣльное, ясное представленіе предмета во всѣхъ его частяхъ. Въ настоящемъ же его видѣ тотъ цѣнный матеріалъ, который былъ подѣ руками у автора, не далъ того, чего пужно было ожидать. У читателя получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ писалъ только для себя. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не этимъ, можно объяснить отсутствіе въ его сочиненіи о дворцовыхъ церквяхъ указаній на общую топографію ихъ? Нельзя же, конечно, считать таковой столь туманныя и неопредѣленныя указанія: Благовѣщенскій соборъ „съ западной стороны соединялся съ набережными государевыми палатами посредствомъ сѣпей“ („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 7). „Рождественская церковь первоначально находилась на первомъ этажѣ дворца“ (тамъ же, стр. 34). Евдокиминская церковь „была устроена на верху, надъ Екатерининской церковью“ (тамъ же, стр. 50). Видно, что самъ авторъ хорошо представляетъ себѣ, гдѣ и въ какомъ отношеніи къ другимъ частямъ дворца находилась та или другая дворцовая церковь, но предполагать то же у непосвященнаго читателя нельзя. Рецензентъ могъ съ большимъ трудомъ разобраться въ настоящемъ случаѣ лишь съ помощью специальныхъ плановъ Кремля г. Москвы, изданныхъ покойнымъ И. Е. Забѣлинымъ. О. Извѣковъ, долженъ былъ начать свое интересное обслѣдованіе именно съ общаго плана дворца, опредѣлить положеніе графическимъ путемъ каждой церкви, и только тогда его, подобныя указанія, опредѣленія были бы ясны каждому читателю.

Итакъ, первымъ недостаткомъ произведенія о. Извѣкова рецензентъ считаетъ отсутствіе исторической конъюнктуры, уясненія обстановки, въ которой проходила жизнь дворцовыхъ церквей.

Причина этого недостатка будетъ ясна, если мы обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ или въ какой формѣ представлялъ себѣ авторъ выполненіе задачи — дать „полное и обстоятельное описаніе столь важныхъ въ историко-археологи-

ческомъ отношеніи Московскихъ Кремлевскихъ придворныхъ церквей“ („Московскія кремлевскія дворцовыя церкви“, стр. 1). Для примѣра остановимся на описаніи Благовѣщенскаго собора. Беремъ болѣе полное описаніе въ брошюрѣ, отпечатавъ изъ журнала „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ отъ 1911 г.—„Московскій придворный Благовѣщенскій собор“.

Обропивъ краткія традиціонныя замѣчанія о построеніи въ 1291 г. Владимірскимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ на мѣстѣ Кучкова села деревянной церкви въ честь Благовѣщенія Пр. Богородицы, авторъ говоритъ о замѣнѣ ея въ 1393 году каменной при князѣ Василіи Димитріевичѣ (стр. 4). Московскій вел. князь Юанъ III въ 1484 году перестраиваетъ церковь Благовѣщенія. Въ росписи участвуютъ знаменитые въ то время мастера Феодосій Деписевъ съ братіей, Андрей Рублевъ (иконостаъ). Послѣ пожара 1547 года церковь возобновляетъ Иванъ Грозный, пристраивающій съ четырехъ угловъ собора на сводахъ паперти особые приделы. Въ соотвѣтствіи съ новой архитектурной формой общій видъ храма очень выигралъ. Золоченные вновь верхи и кресты производили сильное впечатлѣніе на современниковъ. Новая иконопись вызвала извѣстный протестъ дьяка Висковатаго (стр. 5—10). При царяхъ Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ капитальныхъ работъ по возобновленію собора не производилось. Была нѣсколько подписана внутренность собора и площадь папертей. Авторъ предполагаетъ участіе здѣсь и Симона Ушакова во главѣ царскихъ иконописцевъ, приглашенныхъ на помощь московскимъ городовымъ (стр. 11—13). Въ концѣ XVII и XVIII вв. было поновлено иконное писъмо въ Благовѣщенскомъ соборѣ, но очень неумѣло: древняя иконопись была закрыта новой. Пожаръ 1737 года повредилъ кровлю собора. Дворцовый мастеръ каменныхъ работъ очень плохо починилъ золоченную кровлю собора, уже въ ноябрѣ того же года обнаружилась неудовлетворительность этого ремонта. Авторъ подробно перечисляетъ, что требовалось сдѣлать для приведенія въ надлежащій видъ храма (стр. 14—18). Въ 1762 г. по распоряженію имп. Екатерины II былъ произведенъ ремонтъ (стр. 18—23). Далѣе авторъ подробно говоритъ о ремонтѣ крыши въ 1780 г. и кратко о поновленіи иконописи при имп. Александрѣ I (стр.

23—27) Послѣ грабежа французовъ въ 1812 году соборъ былъ возобновленъ (стр. 27—29). Подробно останавливается авторъ на дѣятельности церковныхъ старостъ „изъ именитаго московскаго кунечества“ по возобновленію Благовѣщенскаго собора; говоритъ объ обновленіи собора внутри и снаружки при архитекторѣ Рихтерѣ (стр. 29—50). Далѣе особенное вниманіе авторъ удѣляетъ реставраціи стѣнописи въ главномъ храмѣ и прилегающихъ къ нему сѣверной и западной папертяхъ въ 1883—1895 гг. Рассказываетъ о всѣхъ интригахъ, которыя содѣйствовали открытію древней росписи (стр. 50—56). Кратко говоритъ о. Извѣковъ о придѣлахъ Благовѣщенскаго собора и ихъ поновленіяхъ при потомкахъ Ивана Грознаго вплоть до реставраціи въ 1863—4 гг. (стр. 57—61). Непосредственно за этимъ авторъ даетъ описаніе внутренности собора, находящихся въ немъ святынь, пастѣнныхъ изображеній и пр. Какого-нибудь генезиса или же строго научнаго описанія здѣсь читатель не найдетъ: о. Извѣковъ просто даетъ *инвентарную опись*. Даже въ описаніи интереснѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ придѣловъ въ главахъ собора онъ остается вѣрноп себя: спокойно перечисляетъ иконы и пр. (стр. 62—94). Такое же перечисленіе мы находимъ и въ отдѣлѣ „Ризница“ (единственное, если не считать подзаголовокъ „Верхніе придѣлы“ на стр. 91, заглавіе отдѣла во всей работѣ на протяженіи 120 страницъ...); изъ рамокъ инвентарной описи авторъ не выходитъ (стр. 94—114). Въ концѣ о. Извѣковъ говоритъ о положеніи Благовѣщенскаго собора среди другихъ кремлевскихъ храмовъ: цари чаще посѣщали его и дарили своимъ особеннымъ вниманіемъ (стр. 114—120).

Изъ даннаго краткаго резюме содержанія описанія наиболѣе интереснаго и важнаго для исторіи церковнаго искусства памятника не трудно видѣть основные приемы о. Извѣкова при выполненіи задачи—дать полное и обстоятельное описаніе московскихъ кремлевскихъ дворцовыхъ церквей.

Насколько слаба и неудовлетворительна у него сторона научная историко-археологическая, настолько безукоризненна сторона собственно описательная. Авторъ хладнокровно обходитъ вопросы о начальной исторіи Благовѣщенскаго собора. Нѣтъ у него анализа лѣтописныхъ данныхъ для установки точныхъ хронологическихъ датъ; нѣтъ рѣшенія вопроса о степени участія Андрея Рублева и др. иконописцевъ въ рос-

шесн собора. Нѣтъ отчетливаго воспроизведенія послѣдующей судьбы собора. Эпоха расцвѣта нашего иконописанія, какъ будто, осталась незамѣченной въ исторіи Благовѣщенскаго собора. Мы не видимъ у автора никакихъ указаній на отношеніе царскихъ иконописцевъ къ этому замѣчательному памятнику, особенно близкому для царей. Загадочная исторія верхнихъ придѣловъ такъ и осталась безъ всякаго освѣщенія въ изслѣдованіи, которое претендуетъ на обстоятельное описаніе. Лишь краткими, сухими замѣчаніями отдѣляется вездѣ авторъ. И даже возникаетъ недоумѣніе: неужели автору неизвѣстно кардинальное значеніе, напр., Донской и Пименовской иконъ Богоматери, хранящихся въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Неужели онъ не обращалъ вниманія на необычный порядокъ иконъ въ иконостасахъ верхнихъ придѣловъ? Вопросы, которые предъявляются къ нашему памятнику художественной археологіей, авторъ совершенно обходитъ своимъ вниманіемъ. Анализа памятниковъ въ отношеніи стиля, техники и пр. мы не находимъ у о. Извѣкова. Правда, онъ заявляетъ, что Благовѣщенскій соборъ выстроенъ въ „восточномъ вкусѣ“ („Моск. Кремл. дворц. церкви“ стр. 7 ср. „Моск. придв. Благов. соб.“ стр. 62),—однако, понятъ, что это обозначаетъ въ отношеніи именно этого собора, рецензентъ отказывается...

Кратко—въ описаніи о. Извѣкова *археологическаго* метода совѣмъ нѣтъ.

Нное приходится сказать объ описательной, въ собственномъ смыслѣ, сторонѣ труда о. Извѣкова. Онъ добросовѣстно описалъ, что происходило съ соборомъ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Можно сказать, что ни одна реставрація не укрылась отъ его вниманія. Онъ даетъ много чисто бытового матеріала, когда касается послѣднихъ. Очень полно излагаетъ исторію фаргусовской реставраціи, опредѣляетъ роль архитектора Рихтера и т. д. Даетъ подробную опись инвентаря собора, не опуская безъ упоминанія ни одной застѣжки у хранящихся въ ризницѣ евангелій.

Выходя изъ этой характеристики, можно дать отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о причинѣ отсутствія въ трудѣ о. Извѣкова исторической конюнктуры: авторъ понималъ свою задачу—дать полное и обстоятельное описаніе московскихъ кремлевскихъ дворцовыхъ церквей—просто, какъ со-

ставленіе подробной инвентарной описи и исторіи (внѣшней конечно) самаго храмоваго зданія.

Поэтому, воплнѣ научнымъ, „церковно-историко-археологическимъ“ (см. титульный листъ „Моск. Кремл. дворц. ц.“) изслѣдованіемъ представленное печатное произведеніе о. Извѣкова назвать нельзя. Въ немъ для такого титула не хватаетъ прежде всего научнаго метода, который требуетъ детальнаго генезиса анализируемаго предмета, уясненія его мѣста въ эволюціи и т. д.

Нѣтъ нужды подвергать такому же разбору описанія прочихъ дворцовыхъ церквей, составленныя о. Извѣковымъ. Вездѣ онъ остается вѣренъ своему представленію о полномъ и обстоятельномъ описаніи: послѣ краткихъ и неновыхъ свѣдѣній о первоначальной исторіи того или другаго дворцоваго храма авторъ удѣляетъ много вниманія послѣдующей судьбѣ его, останавливается на всѣхъ позднѣйшихъ реставраціяхъ, самымъ точнымъ образомъ опредѣляетъ, когда задѣлали какую-нибудь трещину въ стѣнѣ, передѣлали желѣзную рѣшетку и пр. (см. „Церковь во имя Положен. Ризы Богом. во Влахернѣ съ часовней Печерск. Бож. Матери при Большомъ Кремл. дв. въ Москвѣ“, М. 1912, стр. 15). Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ перечисляетъ работы, напр., какого-нибудь подрядчика Челнокова въ Ризположенской церкви: „въ слѣдующемъ году Челноковъ произвелъ исправленіе ветхостей по наружной сторонѣ храма и дополнительныя работы каменныя въ проходѣ, соединяющемъ дворецъ съ патріаршею ризницей, а именно: 1) исправилъ наружный цоколь церкви бѣлымъ камнемъ со стороны вновь устроеннаго перехода, 2) исправилъ наружный портикъ двери храма также бѣлымъ камнемъ, 3) задѣлалъ кирпичемъ окна въ подвальномъ этажѣ церкви, 4) пробралъ трещины въ стѣнѣ церкви и подѣлалъ въ переходѣ окончины и въ бельэтажѣ—подходы и обрубилъ въ нижнемъ этажѣ подходы въ дверяхъ и окнахъ за 80 рублей, а крестьянинъ Грибановъ за 90 рублей произвелъ штукатурку вновь построенной каменной лѣстницы“ и т. д. (см. тамъ же стр. 16). Конечно, если бы авторъ съ такой подробностью говорилъ о какомъ-нибудь ремонтѣ вѣка XVII или раньше, это имѣло бы значеніе для научнаго описанія, потому что тогда можно было бы точно устанавливать формы и архитектурныя подробности стараго

стронія. Но говорить такъ о неважномъ ремонтѣ 1849 года— нѣтъ никакой надобности. Это задача не ученаго историка-археолога, а хроникера. И если исключить весь такой матеріалъ, напр., изъ описанія Ризположенской церкви, то останется очень немного на долю собственно историко-археологическаго труда.

Не смотря на то, что авторъ удѣляетъ много вниманія даже такимъ неважнымъ вопросамъ, какъ недавній ремонтъ, его изслѣдованію недостаетъ именно того, чѣмъ должно отличаться ученое сочиненіе. Это—исчерпывающая полнота. На авторѣ лежала обязанность познакомить читателя не только съ тѣмъ, что бросается въ извѣстномъ памятникѣ въ глаза, въ наличности чего нѣтъ нужды убѣждать зрителя, а главнымъ образомъ, съ тѣмъ, что недоступно для поверхностнаго обозрѣвателя даннаго предмета, что придаетъ особенное значеніе тому или другому предмету. Въмѣсто того, чтобы подробно рассказывать, какъ представленъ Страшный Судъ на стѣнахъ и сводахъ Благовѣщенскаго собора, автору нужно было опредѣлить мѣсто этого изображенія въ иконологіи, показать, чѣмъ оно оригинально, что новаго далъ иконописецъ и т. д. Обозрѣватель Благовѣщенскаго собора часто недоумѣваетъ предъ нѣкоторыми непонятными изображеніями, напр., языческихъ поэтовъ, историковъ, сивиллъ и пр. И развѣ не странно, что въ изслѣдованіи, на которое самъ авторъ смотритъ, какъ на руководство при обозрѣніи Благов. собора („Моск. придв. Благ. соб.“ стр. 3) авторъ нисколько не помогаетъ въ данномъ случаѣ купившему его книжку? Можно въ краткихъ словахъ дать характеристику или объясненіе предмета; можно слегка коснуться послѣдняго, но читателю будетъ ясно, что авторъ даетъ исчерпывающее рѣшеніе вопроса, все объясняетъ, на все нужное обращаетъ вниманіе. Вотъ этого-то именно и нѣтъ у о. Извѣкова. Если отъ ученаго произведенія, представленнаго на степень доктора, мы должны требовать этой исчерпывающей полноты, то въ сочиненіи, авторъ котораго въ предисловіи къ своему труду обѣщаетъ дать полное и исчерпывающее обслѣдованіе своей темы, не должно быть такихъ пропусковъ, какіе мы находимъ у о. Извѣкова. Въ качествѣ подтвержденія этого я позволю себѣ указать на только-что изданный большой и интересный трудъ А. И. Успенскаго „Царскіе иконо-

писцы и живописцы XVII вѣка“ Москва, 1913 г. Этотъ авторъ, примѣчательно, на основаніи того-же самаго архивнаго матеріала, который былъ подъ руками и у о. Извъкова, даетъ много поваго, касается вопросовъ, которые послѣдній оставилъ безъ всякаго освѣщенія.

Такъ, рецензентъ отнюдь не требуетъ увеличенія объема представленнаго о. Извъковымъ сочиненія: онъ только подчеркиваетъ что, если бы авторъ задался одной второй цѣлью— дать обстоятельное описаніе предложеннаго предмета, ему пришлось бы многое выбросить изъ наличнаго труда и сдѣлать совершенно иную постановку метода. При этой постановкѣ изложеніе анализируемаго предмета выиграло-бы въ стройности, цѣльности и осповательности. Авторъ видѣлъ бы тогда, что отнюдь недостаточно знакомить читателя съ сырымъ матеріаломъ, который даже не всегда взятъ изъ первыхъ рукъ, а необходимо дать разработку этого матеріала, показать его значеніе и пр.

Послѣ такого общаго разбора я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ для характеристики ученыхъ приемовъ о. Извъкова.

Наибольшее вниманіе авторъ удѣляетъ Благовѣщенскому собору. Въ его большой книгѣ „Моск. Кремл. дворц. церкви“ (М. 1906) рѣчь объ этомъ соборѣ идетъ на 28 страницѣхъ (6—34) крупнаго формата, въ отдѣльномъ же отискѣ изъ ж. „Чтен. въ Общ. любит. дух. просвѣщ.“—„Моск. придворн. Благовѣщ. соб.“ М. 1911 авторъ распространилъ свою рѣчь на 120 страницъ обычнаго формата, дополнивъ, хотя несущественно, свое изданіе 1906 года. Разница изданій сказывается, между прочимъ, въ томъ, что въ изданіи 1911 года о. Извъковъ опустили большую часть подстрочныхъ примѣчаній, гдѣ онъ ссылался въ 1906 году также на старыя изслѣдованія: Карамзина 1816 г., хотя авторъ долженъ былъ знать о новомъ исправленномъ изданіи 1892 года, Соловьевъ 1878 года, Ратншпа 1852 году и пр. Отъ этого, правда, страницы сдѣлались чище, но у читателя описанія 1911 года часто возникаетъ недоумѣніе и вопросы объ источникѣ того или другого смѣлаго утвержденія, которое о. Извъковъ высказываетъ безъ доказательствъ.

Такъ, напр., въ описаніи 1911 года на стр. 4 читаемъ: „по свидѣтельству преданія, первая церковь въ честь Благовѣщенія Пр. Богородицы была деревянная и построена въ 1291

году Владимірскимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ на мѣстѣ Кучкова села. По несомнѣнному же сказанію исторіи, основаніе храма было положено великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, который, какъ можно предполагать, началъ постройку новаго храма, уже каменнаго, около 1393 года“. Столь важное утвержденіе, которое касается самаго *начала* построения Благовѣщенскаго собора, авторъ не подкрѣпляетъ *никакими аргументами*. Конечно, вполнѣ естественно является вопросъ о степени довѣрія къ авторитету о. Извъкова. Откуда онъ знаетъ о такомъ *преданіи* и о *несомнѣнномъ сказаніи* исторіи? И если мы обратимся къ описанію собора 1906 года, то тамъ найдемъ то же утвержденіе, но съ ссылкой на И. Е. Забѣлина „Исторію г. Москвы“. Дѣйствительно, покойный И. Е. Забѣлинъ говоритъ (только не на указанной авторомъ 108, а на 107 страницѣ) о построеніи Благовѣщенской церкви въ 1393 году, но въ такихъ словахъ: „вѣроятно, около того-же времени, какъ вел. княг. Евдокія строила храмъ Рождества Бог. у своихъ хоромъ (въ 1393 г.), съ западной стороны дворца, ея сынъ вел. кн. Василій Дмитріевичъ, съ восточной стороны дворца построилъ каменную церковь Благовѣщенія“. Итакъ, „вѣроятно“ покойнаго И. Е. Забѣлина у о. Извъкова превратилось въ „несомнѣнное сказаніе исторіи“. Само собою разумѣется, что такое легкое обращеніе съ датами археологическаго памятника совершенно недопустимо. Что же „касается собственно „преданія“ о построеніи въ 1291 году Владим. кн. Андреемъ Александровичемъ Благовѣщенской ц., то авторъ такъ и не указываетъ, откуда взято оно имъ. Отсюда можно видѣть, что самая начальная исторія храма остается безъ освѣщенія, хотя у автора и были подъ руками данныя на этотъ счетъ.

При изученіи того или другаго храма, особенно—древняго, изслѣдователь обычно удѣляетъ преимущественное вниманіе исторіи иконнаго письма въ этомъ памятникѣ старины. И конечно, такой интересъ новыщается, если мы имѣемъ дѣло съ храмомъ, въ росписи котораго принималъ участіе какой-нибудь знаменитый иконописецъ. Опредѣленіе степени такого участія и выясненіе характера его письма будетъ имѣть значеніе не только для даннаго храма, но и для современныхъ ему памятниковъ, относительно которыхъ неизвѣстно, кто ихъ расписывалъ. Достаточно бываетъ въ такихъ случаяхъ

изученія сохранившейся росписи и сравненія ея съ опредѣленно извѣстными техническими приѣмами иконописцевъ, работавшихъ въ современныхъ памятникахъ, чтобы рѣшить вопросъ объ авторѣ иконописи. Въ качествѣ примѣра такой работы я позволю себѣ указать на г. Георгіевскаго, который такимъ путемъ опредѣлялъ автора фресокъ въ Терапонтонномъ монастырѣ и выяснилъ его техническіе приѣмы, давъ, слѣдовательно, изслѣдователямъ древней иконописи ключъ для рѣшенія вопроса о характерѣ иконописи XV—XVI вв. и выясненія степени вліянія иконописца Діонисія на современную ему живопись. Обращаясь къ анализируемой работѣ о. Извѣкова, мы видимъ, что авторъ не чувствовалъ нужды въ подробномъ обслѣдованіи иконописи въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ, какъ извѣстно документально, работала знаменитый чернецъ Андрей, прозв. Рублевъ. Правда, *главный* матеріалъ въ этомъ случаѣ авторъ могъ взять только изъ архивовъ, но на этомъ фундаментѣ онъ могъ легко конструировать исторію первоначальной росписи храма, имѣя въ виду фартусовскую реставрацію. Конечно при этомъ пришлось бы взяться за опредѣленіе смысла выраженной въ лѣтописи: „того жъ лѣта начаша рушити церковь на площади Благовѣщенія, верхъ сняша и лубьемъ покрывша“ (подъ 1482 годомъ) и— „того жъ лѣта разруши князь великій Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписанную только по казну и по подклѣтъ, и заложилъ казну около того подклѣта и палату кирпичу съ казнами“ (подъ 1483 годомъ). Какъ извѣстно, еще не выяснено точно, въ чемъ выразилось это „разрушеніе“ церкви Благовѣщенія? Автору должна быть извѣстна точка зрѣнія академика Фартусова, который очень основательно доказывалъ неповрежденность изначальныхъ каменныхъ стѣнъ Благовѣщенскаго собора и, въ связи съ тѣмъ, сохранность, разумѣется—подъ записью послѣдующаго времени, стѣнописи первоначальнаго росписанія при Рублевѣ и стѣнописи позднѣйшей, о чемъ говоритъ лѣтопись въ 1483 году. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ очень интересный, которымъ о. Извѣкову нужно было заняться. Между тѣмъ, какъ раздѣляется авторъ съ исторіей первоначальной стѣнописи? На стр. 5 описанія собора отъ 1911 г. читаемъ: „что касается внутренняго украшенія храма иконами и стѣнописью, то оно началось и окончилось въ 1404 году,

когда, по свидѣтельству лѣтописи, „начаша подписывати церковь Благовѣщенія на великаго князя дворѣ, первую, не ту, яже нынѣ стоитъ, да того-же лѣта и скончаша“. „Стѣнопись въ храмѣ была произведена знаменитыми иконописцами того времени—Андреемъ Рублевымъ, грекомъ Θεοφανομъ и старцемъ Прохоромъ. Въ первоначальномъ иконостасѣ храма, по сторонамъ царскихъ вратъ, были икона Спаса въ бѣлой ризицѣ и чудотворная икона Смоленской Б. Матери... и еще деисусъ Рублева“. Конечно, такое важное для исторіи первоначальной росписи храма замѣчаніе нужно было подтвердить документально и подробно выяснить, что представляла собою церковь Благовѣщенія послѣ письма этихъ корифеевъ XV вѣка. Это-же можно было сдѣлать только послѣ рѣшенія вопроса, поднятаго Фартусовымъ, о цѣлости старыхъ стѣнъ собора, на которыхъ первоначальная иконопись записана. Можно, конечно, подсказать автору, что это нужно было начинать съ анализа того, что нужно разумѣть подъ „верхомъ“, „палатами“ и „казнами“ въ цитованныхъ выше выдержкахъ изъ лѣтописи подъ 1482 и 1483 гг. Авторъ не пожелалъ такой работы, которая сдѣлала-бы его изслѣдованіе оригинальнымъ, а пошелъ просто за Карамзинымъ (ср. „Ист. Гос. Рос.“ изд. 1892 года, т. VIII, прим. стр. 173 и т. V, прим: 254)...

Досадно читать у о. Извѣкова на стр. 50—56 (описанія соб. 1911 г.) подробную „опись“ реставраціи 1883—95 гг., въ которой и участвовалъ академикъ Фартусовъ. Какое научное значеніе имѣетъ эта опись въ своемъ наличномъ видѣ, рецензентъ совершенно не понимаетъ... вмѣсто того, чтобы научно отнестись къ ней и сдѣлать выводы по указанному вопросу, о. Извѣковъ просто знакомитъ читателя съ лѣтописью реставраціи, которую, по специальному указу, теперь долженъ вести каждый пастырь храма... Конечно, при этомъ пришлось-бы нарушить „хронологическій“ порядокъ описанія, который такъ любитъ о. Извѣковъ: развѣ можно говорить о Фартусовѣ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь лишь объ основаніи храма? Въ интересахъ научныхъ не только можно, но и должно.

Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для характеристики ученыхъ пріемовъ о. Извѣкова, когда онъ встрѣчается съ какимъ-нибудь важнымъ, но труднымъ вопросомъ.

Въ заключеніе своего отзыва считаю нелишнимъ дать общую характеристику представленныхъ о. протоіереемъ Извъковымъ печатныхъ произведеній на степень доктора церковной исторіи.—Это—*подробная летопись и полная инвентарная опись дворцовыхъ церквей г. Москвы.*

На основаніи всего вышесказаннаго считаю своимъ долгомъ заявить, что за представленные печатныя произведенія о. протоіерей Н. Д. Извъковъ не заслуживаетъ ученой степени доктора“.

2) Ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русской церкви С. И. Смирнова:

„Книга прот. Извъкова о Московскихъ дворцовыхъ церквахъ, появившаяся довольно давно, уже вызвала отзывы въ печати. Это и упрощаетъ и осложняетъ задачу рецензента: упрощаетъ тѣмъ, что значительная часть ея протѣрена по источникамъ—главнымъ образомъ архивамъ и оцѣнена по достоинству, осложняетъ же въ томъ отношеніи, что рецензенту, опасаясь повтореній, приходится указывать непременно повья стороны работы, характеризующія ее въ ту или иную сторону, по ускользавшія отъ вниманія специалистовъ. Наиболее обстоятельный отчетъ о книгѣ далъ С. А. Бѣлокуровымъ, въ отзывѣ, составленномъ по порученію Имп. Академіи Наукъ (стр. 1—26, СПб. 1910). Частные очерки о Московскихъ дворцовыхъ церквахъ, близкіе по содержанию съ большой книгой, появились позднѣе и, пасколько намъ извѣстно, не подвергались печатной оцѣнкѣ.

„Предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія служить по возможности полное и обстоятельное описаніе столь важныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи Московскихъ Кремлевскихъ придворныхъ церквей и быта служившихъ при нихъ лицъ въ XVII стол.“—такъ пишеть авторъ въ началѣ своего труда. Далѣе онъ разъясняетъ, что археологическое описаніе этихъ церквей содержится въ старомъ трудѣ Спегирева „Памятники Московской древности“, нуждающемся въ дополненіяхъ и исправленіяхъ. Что же касается исторической части труда—быта московскаго придворнаго духовенства, то по этому вопросу о. Извъковъ нашелъ въ литера-

турѣ всего два частныхъ очерка—о пѣвчихъ государевыхъ дьякахъ и о духовникахъ Московскихъ великихъ князей и царей (прот. Разумовскаго и архим. Леонида Кавелина). Исторію дворцовыхъ Московскихъ церквей и лицъ, при нихъ служившихъ въ XVIII и XIX вв., авторъ обѣщаетъ обследовать во второмъ томѣ труда. Источниками для о. Извъкова служили архивныя данныя, главнымъ образомъ дѣла, хранящіяся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министрства Императорскаго Двора, затѣмъ изданныя материалы для исторіи и археологіи Москвы.

Въ планѣ изслѣдованія бросается въ глаза то, что авторъ началъ изучать исторію своего предмета не съ начала, а съ середины. Почему онъ сталъ описывать дворцовыя храмы Москвы только съ XVII в., о. Извъковъ не разъясняетъ этого, не оправдывается, не убѣждаетъ читателя въ томъ, что онъ взялъ совершенно естественную хронологическую грань, а не искусственно отдѣлить XVII стол. отъ предшествующихъ и только потому, что для послѣднихъ потребовалась бы гораздо болѣе сложная работа—изученіе разнообразныхъ и разновременныхъ источниковъ и обширной литературы. Повидимому, и самъ авторъ сознавалъ этотъ пробѣлъ, и отдѣльныя брошюры его о кремлевскихъ дворцовыхъ храмахъ написаны по другому, болѣе правильному плану,—изображаютъ историческую судьбу каждаго храма съ его возникновенія до нашихъ дней. Къ сожалѣнію, его отдѣльные очерки, какъ выяснится ниже, отчасти повторяя, отчасти дополняя главный трудъ, не могутъ вполне исправить его.

Далѣе, о. Извъковъ не потрудился освѣдомить читателя, почему онъ описываетъ храмы именно въ принятомъ имъ, а не въ иномъ порядкѣ, какой системы держался онъ. Ему непремѣнно слѣдовало бы приложить планъ дворца, давая тѣмъ возможность слѣдить за топографическимъ распределеніемъ изучаемыхъ храмовъ, и даже планъ кремля. Большая часть этихъ храмовъ, естественно, помѣщается во дворцѣ, но нѣкоторые представляютъ особыя, самостоятельныя зданія. И авторъ долженъ былъ намѣтить ясно свой порядокъ обозрѣнія, раздѣливъ храмы на указанныя двѣ группы. Впрочемъ, надо отмѣтить, что два храма послѣдней группы о. Извъковымъ опущены по причинамъ, совершенно непонятнымъ: Спасъ на Бору и церковь Рождества св. Іоанна Предтечи въ

Боровицкой башиѣ. Можетъ быть, послѣдній храмъ не описанъ въ книгѣ оттого, что присоединенъ къ дворцовымъ церквамъ сравнительно недавно—въ первой полов. XIX в. Но пропускъ Спаса на Бору не имѣетъ и подобнаго оправданія: этотъ древнѣйшій храмъ московскаго кремля не только въ XVII в., но и раньше принадлежалъ къ дворцовымъ. Правда, этихъ храмовъ авторъ касается въ своихъ брошюрахъ, но послѣднія отличаются значительно по плану отъ главнаго труда—не описываютъ быта духовенства. Также написаны и всѣ остальные брошюры, восполняя главный трудъ лишь въ одной, археологической половинѣ. Да и вообще приемъ—дополнить большой трудъ маленькими очерками нельзя назвать удачнымъ: о Извѣкову лучше всего было бы выпустить обѣщанный имъ II томъ, въ которомъ, прислушиваясь къ голосу критики, исправить недочеты I-го.

Къ слову о брошюрахъ нашего автора. Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ, что предназначаетъ ее не только любителямъ и читателямъ церковной старины, но и простымъ богомольцамъ, „которые очень часто высказываютъ свое глубокое сожалѣніе о томъ, что соборъ не имѣетъ своего описанія“ (Благовѣщ. соб., 3). Смѣемъ увѣрить о. Извѣкова, что его отдѣльные очерки не подходятъ нисколько къ запросамъ „простыхъ богомольцевъ“. Богомольцу интереснѣе всего знать въ храмѣ то, что питаетъ его религіозное чувство и вѣрующую мысль, но какой интересъ ему знать исторію подѣлокъ и перестроекъ соборовъ, рассказанную притомъ словами архивныхъ данныхъ!? Это разсчитано уже на запросы специалистовъ-археологовъ—„любителей и читателей церковной старины“, и больше никому не нужно.

Еще одинъ недостатокъ въ планѣ разсматриваемыхъ книгъ. Каждый дворцовый храмъ описывается въ нихъ отдѣльно послѣ короткаго и мало дающаго общаго введенія. Между тѣмъ въ исторіи дворцовыхъ кремлевскихъ храмовъ извѣстна рядъ явленій, затрогивавшихъ большинство ихъ или даже всѣ ихъ вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Смутное время и хозяйничанье поляковъ въ кремлѣ; Петровское время, когда кремль царю „опротивѣлъ и былъ осужденъ на участь заброшенной барской усадьбы со своими древностями“, по выраженію Ключевскаго; нашествіе французовъ—всѣ эти факты обѣдственнымъ образомъ отражались на судьбѣ всѣхъ

кремлевскихъ храмовъ, и автору надо было сказать о томъ въ общемъ очеркѣ. Сюда слѣдуетъ отнести опустошительные пожары кремля или одного кремлевскаго дворца, не падившіе, конечно, и дворцовые храмы. Въ результатъ получились бы значительныя выгоды: осталась бы цѣльность картины и впечатлѣнія, намѣтились бы частныя грани храмовъ, утомительныя повторенія въ разныхъ очеркахъ о перечисленныхъ мною фактахъ были бы устранены, отъ вниманія самого изслѣдователя не ускользали бы эти факты въ каждомъ частномъ очеркѣ, когда архивныя данныя и не напоминаютъ о нихъ ясными словами. Къ сожалѣнію, авторъ не прицѣль всего этого въ расчетъ.

XVII вѣкъ нашей исторіи чрезвычайно богатъ источниками, и требовать отъ автора монографіи, чтобы онъ воспользовался всѣми ими, не приходится. Однако нельзя ему простить, если опущенный источникъ — цѣлый большой отдѣлъ, вскрывающій значительную область явленій, напр., „Матеріалы для исторіи раскола“, какъ объ этомъ скажемъ ниже. У автора былъ специальный источникъ, обильный и недостаточно до него изученный — документы Моск. Отдѣла Архива Мин. Двора, и если бы источникъ этотъ былъ использованъ въ разбираемомъ трудѣ во всей цѣлости и глубинѣ, послѣдній явился бы безспорнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ нашу историко-археологическую литературу. Надо пожалѣть, что дѣло обстоитъ здѣсь гораздо хуже. С. А. Блюкоровъ, прекрасный знатокъ московскихъ архивовъ, отчасти проверилъ собранныя авторомъ данныя, археологическія и историческія, и пришелъ къ печальному заключенію, что дѣла Архива не всѣ изучены о. Извъковымъ, нѣкоторые изучены очень плохо (стр. 11 и 26 Отзыва по отд. отт.), при чемъ отмѣтили длинный рядъ пропусковъ именъ служившихъ при церквахъ лицъ, а также пропущенныя, связанныя съ тѣмъ или инымъ храмомъ. Вспомогательная литература (она также у Блюкурова) не перечислена о. Извъковымъ и не изучена имъ съ надлежащей внимательностью. Понятно само собою, что такое отношеніе къ источникамъ и пособіямъ сильно понижаетъ цѣну разсматриваемаго труда. Какъ относится нашъ археологъ къ другому источнику, — вещественнымъ памятникамъ старины, увидимъ далѣе.

Попытаемся опредѣлить, насколько трудъ о. Извъкова со-

отвѣтствуетъ задачамъ и запросамъ археологической науки. Мы не станемъ вдаваться въ детали и подробности, проверять собранный авторомъ матеріалъ, частные выводы и заявленія: это обязанность представителя кафедры церковной археологии, рассматривающаго настоящую диссертацию. Вы скажемъ только впечатлѣніе свое.

Задача церковнаго археолога при описаніи любого христіанскаго храма заключается не въ томъ только, чтобы изложить его внѣшнюю исторію—постройку и перестройки, первоначальную роспись и ремонты живописи, что посылно, хотя и съ пропусками, дѣлаетъ о. Извѣковъ, но и въ томъ, чтобы выяснить, какое мѣсто въ исторіи отечественнаго или общецерковнаго зодчества и иконописанія занимаетъ данный храмъ. Этому послѣдняго нашъ авторъ почти не дѣлаетъ. Передавъ обычно исторію построенія и ремонтовъ какого-либо дворцоваго храма въ Моск. кремль и слѣдуя рабски при этомъ старымъ „дѣламъ“ или описямъ соборовъ, порою до утомительности подробнымъ, авторъ наивно думаетъ, что *изложилъ исторію церкви или собора* (см. Ц-въ Рожд. Богор., 33; Ц-въ Полож. Ризы Богом., 19 и др.). Между тѣмъ, исторія храма, какъ и исторія жизни (біографія) человѣка, предполагаетъ, прежде всего, извѣстную историческую обстановку и среду, тотъ комплексъ вліяній, которыя, взаимно пересѣкаясь, создаютъ индивидуальное историческое лицо или неповторимое сооруженіе человѣческаго гения. Разница въ томъ, что жизнь человѣка мимолетна, жизнь же вѣковыхъ твореній изъ камня растягивается иногда на длинный рядъ столѣтій, и храмъ, какъ памятникъ искусства, можетъ отразить на себѣ художественную работу цѣлаго ряда поколѣній, разныя эпохи въ исторіи человѣческаго творчества, неодинаковыя приемы промышленной и художественной техники, разныя настроенія религиозныхъ порывовъ и несходныя представленія религиозной мысли. На обязанности археолога—внимательно и осторожно вскрыть внутреннюю исторію данного монументальнаго памятника. Въ трудѣ о. Извѣкова этого нѣтъ даже въ малой степени.

Чтобы иллюстрировать высказанное положеніе, беру одинъ примѣръ—исторію придворнаго Благовѣщенскаго собора. „обросшаго слѣдами глубокой древности“, по своеобразному выраженію автора. Сложенный первоначально въ к. XIV—и. XV в., при в. кн. Василіи Дмитріевичѣ, Благовѣщенскій

соборъ былъ построенъ заново (или же основательно перестроенъ) въ правленіе Ивана III (80-е гг. XV в.). Если первоначально храмъ строился, вѣроятно, такъ же, какъ его современники — нашъ Троицкій соборъ или соборъ Саввино-Сторожевскаго монастыря, то Благовѣщенскій соборъ Ивана III, все же небольшой по размѣрамъ, имѣетъ своимъ образцомъ древній Владимірскій соборъ о пяти главахъ (Успенскій во Владимірѣ на Клязьмѣ); строили его псковскіе мастера, научившіеся каменностѣчному искусству у нѣмцевъ, отдѣлывали двери сѣверной, и западной стороны по рисункамъ итальянскихъ мастеровъ, можетъ быть, самого Аристотеля. Въ эти данныя дѣлають Благовѣщенскій соборъ интереснымъ памятникомъ древне-русскаго зодчества, уже подвергшагося двустороннему западному вліянію (со стороны нѣмцевъ и итальянцевъ). Не менѣе любопытна внутренняя роспись собора — рядъ реставрацій и подѣлокъ сообщаетъ ей сборный характеръ, дѣлаетъ ее смѣсью картинъ разныхъ эпохъ и различнаго художественнаго достоинства. „Драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго искусства“, роспись эта „заслуживаетъ внимательнаго и подробнаго изученія“ (А. П. Успенскій). Наконецъ, ризница собора заключаетъ въ себѣ, по словамъ самого о. Извѣкова, много царскихъ вкладовъ, „безцѣнныхъ по своей святости для вѣрующихъ и весьма важныхъ и любопытныхъ по своему научному значенію для археолога и палеографа“ (Благов. соб., 94). Что же даетъ читателю объ этомъ соборѣ нашъ авторъ? Очень сухой, скучный, мало занимательный трактатъ. Въ отношеніи архитектурномъ чѣмъ обнаружилась нѣмецкая выучка псковскихъ мастеровъ, клавшихъ (или только перестраивавшихъ) соборъ при Иванѣ III, авторъ не выясняетъ вовсе, какъ и то, что достопримѣчательнаго представляютъ сѣверныя и западныя двери храма, сработанныя по чертежамъ итальянскихъ мастеровъ. Споренъ въ наукѣ вопросъ о передѣлкѣ собора при Иванѣ III: былъ ли онъ разобранъ и онъ возведенъ вновь на старомъ, но распространенномъ фундаментѣ (Забѣлишъ и, повидному, нашъ авторъ) или, несмотря на значительныя передѣлки собора, три стѣны его (исключая алтарную) остались цѣлы, — мнѣніе академика Фартусова, изучившаго каменную кладку собора и его старыя росписи. Къ сожалѣнію, о. Извѣковъ не считается съ этимъ послѣднимъ мнѣ-

ніемъ, не провѣряетъ заявленій Фартусова, а потому его собственныя заявленія лишены твердаго основанія.

Но вопросъ важенъ не только самъ по себѣ, но и въ отношеніи росписи собора. Вотъ ея краткая исторія. При Василии Дм. соборъ расписывали лучшіе представители византийской традиціи въ церковномъ иконописаніи—Андрей Рублевъ съ братіей; въ 1508 г. „подписывалъ золотомъ“ мастеръ той же школы Феодосій Денисьевъ; послѣ страшнаго пожара 1547 г. стѣнопись собора была возобновлена псковскими и новгородскими мастерами, уже охотно подражавшими европейскимъ образцамъ, и работы этихъ мастеровъ вызвали извѣстный протестъ царскаго дьяка Ив. Висковатаго, защитника старой традиціи въ иконографіи. Начиная съ полов. XVII в. соборъ расписываютъ царскіе живописцы при участіи и подъ руководствомъ знаменитаго изографа Симона Ушакова. Лучшій русскій мастеръ своего времени, стоявшій подъ вліяніемъ запада, Ушаковъ поднимаетъ древне-русскую иконопись на степень искусства, быстро пошедшаго потомъ впередъ.

Изучая стѣнопись Благовѣщенскаго собора, о. Извѣковъ прежде всего долженъ былъ рѣшить, возможно ли найти въ ней теперь, хотя бы подъ позднѣйшими наслоеніями, работы Андрея Рублева, въ чемъ былъ такъ увѣренъ акад. Фартусовъ. Но нашъ авторъ не даетъ яснаго отвѣта по данному вопросу. Далѣе. Очень кратко передавая о работахъ времени Грознаго по возобновленію стѣнописи собора псковскими и новгородскими мастерами, авторъ представляетъ себѣ эти работы какъ обычный, рядовой ремонтъ храма, протестъ Висковатаго выходитъ у него страннымъ скандаломъ. Между тѣмъ, протестъ этотъ даетъ знать, что Псковъ и Новгородъ, наиболѣе близкіе къ западу города наши, уже въ пол. XVI в. являлись проводниками европейскаго вліянія въ области иконографіи, что теперь впервые на Москвѣ намѣтились два теченія въ отношеніи иконописанія—византийско-русское и европейское, которыя послѣ борются между собою до начала новой исторіи. Западное вліяніе, подкрывшееся незамѣтно въ области иконографіи русской, становится могучимъ факторомъ въ XVII в., особенно во второй половинѣ его въ работахъ Ушакова и руководимой имъ школы царскихъ жалованныхъ и кормовыхъ иконописцевъ.

Обязанность о. Извъкова, пишущаго „изслѣдованіе“ по археологій дворцовыхъ храмовъ моск. кремля, состояла въ томъ, чтобы детально разсмотрѣть на ихъ стѣнахъ работы лучшихъ мастеровъ XVII в., сопоставить съ другими работами ихъ же, оцѣнить, подмѣтить воздѣйствіе образцовъ западно-европейскихъ и, можетъ быть, первохристіанскихъ. Но авторъ, можно сказать, совсѣмъ уклонился отъ этой плодотворной и интересной работы. Онъ далъ рядъ плохихъ, совершенно стѣпныхъ или темныхъ снимковъ, но не описалъ на страницахъ книги предметы, изображенные на нихъ... Мало этого, онъ не сопоставляетъ показанія описей и другихъ архивныхъ данныхъ съ наличными монументальными остатками старины, вообще почти игнорируетъ послѣдніе. Такой приемъ изученія археологій такъ же плодотворенъ, какъ изученіе физики безъ опытовъ...

То же самое наблюдается и въ отдѣлѣ о ризницѣ Благовѣщенскаго собора. Чѣмъ или въ какомъ отношеніи предметы ризницы, большею частію царскіе вклады, цѣнны для археолога и палеографа, о. Извъковъ не разъясняетъ читателю, онъ лишь усердно утомляетъ послѣдняго механическимъ перечисленіемъ предметовъ ризницы въ каждомъ храмѣ отдѣльно, при чемъ даже внимательное прочтеніе отдѣла очель мало оставляетъ въ памяти. Приблизительно также написаны всѣ остальные археологическіе трактаты о дворцовыхъ храмахъ въ моск. кремль.

Совершенно понятно, почему эти храмы глубоко интересны для изслѣдователя церковнаго искусства. Въдъ именно при царскомъ дворѣ съ пол. XVII ст. сосредоточивалось все, что было лучшаго, т. е. наиболѣе передового въ области церковнаго мастерства. Царь Алексѣй, превосходный знатокъ русской церковной обрядности и тонкій цѣнитель религіознаго искусства, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ почти западникомъ, прогрессистомъ, представителемъ переходной эпохи. И здѣсь примѣнимо къ нему превосходное выраженіе Ключевскаго: „одной ногой“ Алексѣй „еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи“. Имъ открыта при Оружейной палатѣ школа царскихъ иконописцевъ, старавшаяся примирить византийско-русскія начала съ началами новой

итальянской живописи, работала широко, обслуживая храмы Москвы, соборные и приходские, отчасти храмы иногородние. Какъ относится, количественно и качественно, придворная работа школы къ остальной, даже уже—что дала школа иконописцевъ царскихъ изучаемымъ о. Извъковымъ храмамъ въ области иконографіи, орнамента, онъ не пытается собрать и оцѣнить. А между тѣмъ какое богатство матеріала по даннымъ вопросамъ находилось въ распоряженіи его! Едва ли ошибемся, если скажемъ, что для подобной работы у о. Извъкова не оказалось достаточной археологической подготовки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ позволительны для настоящаго археолога такія замѣчанія: „входныя двери... и окна отличаются богатствомъ и затѣйливостью орнаментовъ въ старинномъ вкусѣ (Ц-въ Рожд. Богород., 33), при чемъ ни слова въ разъясненіе „стариннаго вкуса“ о стилѣ дверей, оконъ и ихъ орнаментовъ. Въ и-ви Воскр. Хр. авторъ указываетъ „замѣчательное въ археологическомъ отношеніи“ „древнее панцикадило“ (стр. 27—28), обстоятельно толкуетъ о его направленіи въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но къ какому времени отнести это древнее панцикадило и что въ немъ особенно замѣчательнаго для археолога, нисколько не выясняется.

Вообще въ первой части работы о. Извъкова мы имѣемъ не археологическое изслѣдованіе въ принятомъ смыслѣ, а чисто внѣшнее, не совсемъ полное и точное описаніе дворцовыхъ и придворныхъ кремлевскихъ храмовъ, сдѣланное главнымъ образомъ по архивнымъ даннымъ, при слабомъ, поверхностномъ изученіи монументальной старины.

Перехожу къ исторической части разбираемаго труда—изслѣдованію быта придворнаго духовенства въ XVII стол.

Опять такъ очень благодарная тема. Исторія др.-русскаго церковнаго быта далеко не изучена и разработана, а бытъ придворнаго духовенства, можно сказать, почти не изучался. Интересъ вопросу придаетъ то обстоятельство, что въ XVII в. наблюдается рядъ явленій, частію осложнявшихъ, частію ломавшихъ бытъ духовной московской среды и прежде всего придворной. Появленіе малороссійскаго духовенства на Москвѣ, церковно-обрядовая реформа п. Никона, вызванное ею движеніе раскола старообрядчества,—все это не могло не отразиться на жизни придворнаго духовенства, невольно втянутого въ борьбу старины съ повизной. Читатель книги

прот. Извъкова разсчитываетъ найти болѣе или менѣе яркую картину этихъ явленій или отраженій ихъ въ изучаемой авторомъ средѣ, но его расчеты совершенно напрасны. Авторъ не изучалъ исторію русской жизни, церковной и гражданской, за XVII стол. въ цѣломъ видѣ. Если бы не общезвѣстные имена дѣятелей, которыя попадаются на страницахъ книги (и брошюръ отчасти), читатель бы и не почувствовалъ, что рѣчь идетъ объ этомъ, столь интересномъ, переходномъ въ нашей исторіи, столѣтіи. О. Извъковъ излагаетъ явленія безъ всякаго вниманія къ ихъ исторической обстановкѣ и исторической перспективѣ. Между тѣмъ, проф. Харламовичъ пишетъ о придворныхъ священникахъ изъ малороссовъ, о пѣвчихъ малороссахъ (Малор. вліяніе на великор. церковную жизнь, I, 312 сл., 317 сл.), какъ о явленіи очень замѣтномъ, дополняя и исправляя разрозненныя данныя въ разсматриваемой книгѣ. Чтобы видѣть, какъ мало интересуется нашего автора, въ связи съ его вопросомъ, расколъ старообрядчества, затронувшій несомнѣнно такъ или иначе окружающую „тишайшаго царя“ духовную среду, достаточно указать на то, что въ разбираемой книгѣ не встрѣчаемъ ни одной цитаты изъ Матеріаловъ, изданныхъ Н. И. Субботинымъ. Авторъ занимается благовѣщенскимъ придѣльнымъ дьякономъ Федоромъ, извѣстнымъ расколоучителемъ, но и не считаетъ нужнымъ прочесть его писанія, изданныя въ „Матеріалахъ для исторіи раскола“. Свой трактатъ о Федорѣ (113—15), и притомъ довольно рѣзкій, о. Извъковъ составилъ по статьѣ Правосл. Собесѣдника 1859 г.! Въ Матеріалахъ Субботина онъ нашелъ бы любопытныя и характерныя данныя о лицахъ, которыя упоминаетъ въ своемъ трудѣ, напр. о царскомъ духовникѣ Лукіанѣ Кирилловѣ (т. V, 65): объ Андрѣ Самоиловѣ, сторожѣ Благовѣщенскаго собора (т. I, 483) въ ихъ отношеніяхъ къ Аввакуму; о Соловецкомъ игуменѣ Никанорѣ, бывшемъ царскомъ духовникѣ (VIII, 144) и др. Новая литература по расколу, каковы капитальные труды Голубинскаго и Каптерева, остались неизвѣстны нашему автору и старыя ошибки, напр., объ іосифовскихъ справщикахъ, о личности и роли Стефана Бонифатьева повторяются имъ. Какъ отразилась страстная церковно-обрядовая распри на придворномъ духовенствѣ XVII в., авторъ не знаетъ да и не пытается даже знать...

Много страниц посвящает о. Извъковъ настоятелямъ Благовѣщенскаго собора—царскимъ духовникамъ XVII в., можетъ быть даже преувеличивая значеніе этого вопроса. „Изученіе сего вопроса, заявляетъ авторъ, имѣетъ глубокій интересъ и составляетъ одну изъ неотложныхъ задачъ современной исторіографіи, такъ какъ въ немъ кроется ключъ къ пониманію разностороннихъ явленій нашей старинной не только придворной, но и общегосударственной жизни, тѣсно примыкавшей къ формамъ церковнаго строя“ (стр. 2). Какъ же выполнена эта „неотложная задача современной исторіографіи“ въ разбираемомъ трудѣ? Удовлетворительно только отчасти. Трактатъ о доходахъ царскихъ духовниковъ имѣетъ цѣнность, хотя и цуждается въ частныхъ поправкахъ,—ибо въ литературѣ ничего нѣтъ по этому вопросу. Имѣютъ также значеніе опубликованные нашимъ авторомъ въ приложеніяхъ архивные матеріалы, касающіеся житейскаго быта благовѣщенскихъ протопоповъ, хотя часть ихъ была уже напечатана. Но ни общія замѣчанія о царскихъ духовникахъ, ни частные трактаты о нихъ нельзя признать удовлетворительными. I) Вѣрный себѣ, авторъ не знаетъ существующей литературы о древне-русскомъ духовникѣ и, значить, недостаточно точно и ясно представляетъ себѣ, что такое былъ для нашего предка духовный отецъ его, слѣдовательно, какое мѣсто занималъ царскій духовникъ въ обиходѣ нравственно-религіозной жизни царей, въ ихъ семейной жизни и государственной дѣятельности. II) Пользовались ли царицы и царскія дѣти въ XVII ст. правомъ выбора духовника каждый для себя, или слѣдовали волѣ государя (мужа и отца), авторъ этого не знаетъ. III) Онъ не рѣшаетъ и не ставитъ даже вопроса, съ какого именно времени духовниками московскихъ великихъ князей стали выбираться обычно благовѣщенскіе протопопы, другими словами, когда соединились фактически обѣ эти должности, представлялось ли отмѣченное соединеніе должностей обязательно юридически. Къ слову, слѣдуетъ пожалѣть, что о. Извъковъ советѣмъ не изучаетъ исторію духовества Спаса на Бору, прежняго монастыря, игумены котораго часто бывали духовниками великихъ князей московскихъ. IV) Авторъ знаетъ исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе протопопа Теофана, послѣдняго царскаго духовника изъ настоятелей Благовѣщенскаго

собора. но замѣчанія проф. Алмазова на этотъ документъ (Тайная исповѣдь, II, 170—172; ср. III, 38—41 втор. сч.) остались ему неизвѣстны. V) Для характеристики нравственно-дисциплинарнаго воздѣйствія духовнаго отца на своихъ царственныхъ дѣтей имѣютъ значеніе „Вопросы благовѣрнымъ государемъ царемъ и великимъ княземъ московскимъ и всея Русіи“ (Тамъ же, III, 174—5; ср. I, 528—9). Они неизвѣстны о. Извѣкову. VI) Наконецъ, онъ опускаетъ въ своемъ перечнѣ нѣсколько царскихъ духовниковъ, что было уже подмѣчено С. А. Бѣлокуровымъ. Таковы недочеты общихъ замѣчаній о духовникахъ царей въ трудѣ о. Извѣкова.

Относительно ихъ частныхъ характеристикъ надо сказать, что онѣ недостаточно ярки и полны, а инныя и невѣрны (характеристика Стефана Бонифатьева). Больше всего вниманія удѣлено нашимъ авторомъ духовнику царя Алексѣя Андрею Савиновичу Постникову, его столкновенію съ патріархомъ Іоакимомъ. Но вѣдь за этимъ частнымъ случаемъ лежитъ вопросъ большого общаго характера—объ отношеніи придворнаго духовенства, зависимаго непосредственно отъ царя, къ патріарху. Случай столкновенія между святѣйшимъ и духовникомъ царя Андреемъ Постниковымъ не единственный,—припомнимъ столкновение Бонифатьева съ патр. Іосифомъ, а если захотимъ искать ранѣйшихъ аналогій, то должны вспомнить церковно-правительственныя притязанія Митря (или арх. Спасскаго Михаила), духовника Дмитрія Донскаго. Возможность такого рода явленій не уясняется въ разбираемомъ трудѣ, даже наоборотъ: о. Извѣковъ описываетъ „патріархальную близость“ царскихъ духовниковъ къ св. патріархамъ (стр. 222), которая на основаніи вышеизложеннаго болѣе чѣмъ сомнительна.

Глава о придворныхъ государевыхъ пѣвчихъ составлена по старой прекрасной статьѣ прот. Разумовскаго и даетъ меньше, чѣмъ эта послѣдняя. О крестовыхъ священникахъ и дьякахъ и послѣдняя о правахъ и обычаяхъ придворнаго духовенства болѣе самостоятельны, зато менѣе обстоятельны и полны.

Изъ общихъ недочетовъ исторической части разбираемаго труда надлежитъ, прежде всего, отмѣтить недостатокъ критичности и безпристрастія. Степенная книга передаетъ о пустыяникѣ Вуколѣ, спасавшемся на мѣсть храма Спаса на

Бору, и о. Извъковъ переписываетъ это сообщеніе въ полной увѣренности въ его истинѣ, безъ тѣни сомнѣнія, очевидно, не зная, что Степенная—крайне ненадежный источникъ (Ц—въ Спаса на Бору, 1). Придворное духовенство XVII в. онъ склоненъ идеализировать: заявляетъ о выдающейся образованности его сравнительно съ рядовымъ духовенствомъ того времени (87—88). Но какъ согласить это заявленіе съ разсказомъ самого же автора (210—211 стр.) о несочувствіи придворнаго духовенства зарождавшемуся тогда образованію на Руси? Ясно, что придворное духовенство было косно и невѣжественно не менѣе рядового приходскаго. Еще примѣръ тенденціозности автора. Онъ очень рѣзко и безъ достаточнаго основанія отзывается о расколу учителѣ дьяконѣ Ѳеодрѣ (113—15), вѣроятно, потому только, что онъ расколу учитель, и въ то же время слишкомъ снисходительно, даже почтительно характеризуетъ архим. Варлаама, бывшаго раньше придворнаго священника Вас. Антип. Высоцкаго (119—120), дѣятеля весьма сомнительнаго достоинства, но не враждебнаго церкви.

Предоставленный себѣ, авторъ не можетъ справиться иногда съ самой простой задачей—годъ стараго счисленія перевести на новое—и дѣлаетъ грубыя ошибки. Напримѣръ, ему неизвѣстно правило, что „при переводѣ сентябрьскаго счисленія на теперешнее январьское, въ случаѣ мѣсяцевъ сентября—декабря, нужно вычитать изъ годовъ отъ С. М. не 5508, а 5509“. Поэтому у него выходитъ такой курьезъ: освященіе церкви Рождества Богор. состоялось 5 дек. 1682 г., антиминосъ помѣченъ годомъ раньше 1681 г., стало быть, освященіе почему-то отложено ровно на годъ (35 стр.). Между тѣмъ и то и другое—и освященіе и выдача антиминоса—последовали въ одно время въ годъ отъ С. М. 7190, отъ Р. Хр. въ 1681, но переводъ стараго счисленія разный: невѣрный у Извъкова (1682) и правильный у Забѣлина (1681), которымъ пришлось воспользоваться автору, говоря объ антиминосѣ. Любопытно, что эта ошибка отмѣчена въ отзывѣ С. А. Бѣлокурова (стр. 10), но нашъ авторъ настолько самоувѣренъ или халатенъ, что повторяетъ свою ошибку и въ отдельномъ очеркѣ о церкви Рождества Богородицы (стр. 61).

Все приведенныя частности позволяютъ сдѣлать выводъ, что не только для церковно-археологической, но и для цер-

ковно-исторической плодотворно-научной работы нашъ авторъ не обладаетъ достаточной подготовкой.

Стиль о. Извъкова никакъ не можетъ назваться образцовымъ: тяжелый, архаичный, какимъ писали въ XVII стол., въ до-карамзинское время. Механически переписывая архивныя дѣла въ свое „изслѣдованіе“, авторъ не трудится передавать ихъ на современный языкъ и самъ начинаетъ писать языкомъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“. Приведу лишь самыя необходимыя примѣры, которые, при желаніи, можно увеличить значительно. „Потребована смѣта на устройство икопостаса. Въ виду же замедленія представленія оной, министръ вторично отъ 7 января того же года потребовалъ оную“ (Ц—въ Рожд. Богор., 20). „Старое наружное крыльцо отломать и, вмѣсто онаго, съ западной стороны сдѣлать новое и надъ онымъ крыльцомъ устроить арку для колоколовъ, а подъ онымъ палатку для клажи“ (Ц—въ Рожд. Предг., 10). Въ то же время о. Извъковъ употребляетъ неупотребительныя слова: „задѣланіе“ (рядомъ „задѣлка“ Верхосп. соб., 31), „обтянутіе“ (Спасъ на Бору, 42) „вынутіе“, „нишь“ вм. „пища“ (Ц—въ Рожд. Бог., 13 и 41). И мѣстамъ рѣчь нескладная до непопятности. „Въ трехъ окнахъ вставши (вѣроятно, ставни) сгнили, печь израсчата и желѣзная труба, разогрѣвавшая теплоту (sic!). также были ветхи“ (Верхосп. соб., 21). „Каждому, опредѣленному на зѣ или другое мѣсто въ приходскихъ церквахъ, опредѣлялось патриархомъ испытаніе, и уже только послѣ онаго давалось благословеніе“ (Книги 85 стр.).

Къ стыду автора, ему недостаетъ даже элементарной грамотности. Напр., любопытно употребленіе имъ слова „придѣль“ въ смыслѣ—добавочный храмъ или алтарь. На первой же страницѣ большой книги о. Извъковъ начинаетъ колебаться и ставить въ оглавленіи то „предѣль“, то „придѣль“. далѣе въ книгѣ правописаніе правильное, но въ брошюрахъ исключительно—„предѣль“. Нерѣдко авторъ пишетъ по-старинному, а то просто по-своему: „рѣщкѣ“, „расчетъ“ (Ц—въ Рожд. Бог., 20; Ц—въ Воскр. Хр., 8), „грамотѣи“ (Книги 220), „гаубвахта“ (Ц—въ Полож. Ризы Богом., 17) „на руси“ (Благов. соб., 101), „недолжно быть“, „темные, а неяркіе. „неотличался“ (Ц—въ Рожд. Богор. 23, 14. Книги 220 стр.).

Въ заключеніе я долженъ сказать, что прот. Н. Д. Извъковъ представилъ на соисканіе докторской степени трудъ по вопросу, мало разработанному, стѣловательно, благодарному для изслѣдователя, любопытному для археолога и историка, но трудъ далекій отъ совершенства. Его недостатки, выше описанные, свидѣлствуютъ о малой подготовленности автора къ дѣйствительно научнымъ, самостоятельнымъ изысканіямъ въ области церковной археологій и церковной исторіи (методологическія погрѣшности, незнаніе литературы), невнимательности къ своимъ основнымъ источникамъ (разумѣю вещественные памятники и дѣла Моск. Отдѣл. Общ.го Архива Мпнист. Императорскаго Двора), объ отсутствіи или малой напряженности научной любознательности, а порою и простого трудолюбія, наконецъ, о неумѣны легко и ясно излагать свои мысли. Отсюда, если даже посмотрѣть на разбираемый трудъ, какъ на безпритязательный опытъ собранія архивныхъ и другихъ матеріаловъ по вопросу, то и съ этой, уже пониженной точки зрѣнія, трудъ о. Извъкова не можетъ быть признавъ удовлетворительнымъ, потому что страдаетъ отсутствіемъ полноты и мѣстами недостаткомъ точности. Поэтому, по моему убѣжденію, авторъ не заслуживаетъ за него докторской степени“.

Б. Отзывы о сочиненіи директора народныхъ училищъ Таврической губерніи, магистра богословія, *Сергея Маргаритова* подъ заглавіемъ: „Исторія русскихъ мистическихъ и рационалистическихъ сектъ“. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Симферополь, 1910 г., представленномъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

1) П. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *А. В. Ремезова*:

„Въ своей пробной лекціи объ исторической критикѣ источниковъ сектовѣдѣнія я имѣлъ честь докладывать Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи, что исторія русскаго сектантства, какъ научная дисциплина, едва только вступаетъ въ процессъ той естественной эволюціи, каковую обязательно должна пережить всякая историческая наука при нормальномъ своемъ развитіи и въ которой

теоретики исторіи (Мабли, Шлецеръ) различаютъ четыре момента: собраніе матеріаловъ, критическое изслѣдованіе ихъ, ученый синтезъ и, наконецъ, художественное изложеніе. При крайней скудости историческихъ свѣдѣній о нашихъ многочисленныхъ сектахъ: при отсутствіи полныхъ печатныхъ изданій юридическихъ актовъ даже тѣхъ процессовъ, на которыхъ базируется, напримѣръ, все представленіе о хлыстовствѣ (какъ древнихъ слѣдственныхъ дѣлъ 1733 г. и 1745—52 гг., такъ и современныхъ — послѣдней четверти XIX вѣка), при недостаткѣ изданныхъ сектантскихъ распѣвцевъ, при отсутствіи у громаднаго большинства нашихъ сектантовъ какой бы то ни было переписки или литературы, — въ настоящее время нельзя съ увѣренностью представить даже вѣднѣ фактической исторіи одной частной секты, и весь серьезно-научный интересъ текущаго момента въ области сектовѣдѣнія сводится къ кропотливой работѣ собранія и оцѣнки его источниковъ. Задаваться, можетъ быть, и очень заманчивой, но пока совершенно неосуществимой цѣлью построенія исторіи русскихъ мистическихъ и рационалистическихъ сектъ значить обнаруживать или полную неосвѣдомленность въ современномъ состояніи даннаго предмета, или же крайнюю самоувѣренность, доходящую до попытокъ творить изъ ничего. Во всякомъ случаѣ столь смѣлое предпріятіе заранѣе обречено на неудачу: вмѣсто настоящей исторіи авторъ представитъ что-нибудь болѣе или менѣе похожее на нее.

Книга г. Маргаритова, посвящая столь громкое заглавіе, какъ только-что подчеркнутое, на самомъ дѣлѣ представляетъ лишь простую совокупность свѣдѣній какъ изъ прошлаго русскихъ сектъ, такъ и характеризующихъ современное состояніе ихъ. Напрасно мы искали бы здѣсь даже попытокъ углубленія во внутренній созрѣвший смыслъ описываемыхъ явленій, хоть слабыхъ признаковъ стремленія не только описать частныя формы русской религіозной эволюціи, но и вскрыть дѣйствовавшія и до сихъ поръ дѣйствующія въ ней силы: указать факторы, вліяющіе на выработку ея разнообразныхъ формъ и, наконецъ, опредѣлнить законы, управляющіе этой эволюціей, такъ чтобы вся нестрога и кажущаяся безпорядочность въ возникновеніи и развитіи нашего сектантства могла приноситься мысленному взору какъ единое

цѣлое, связанное однимъ основнымъ принципомъ, одухотворенное одной идеей. Очевидно, что насколько немыслимо создать сейчасъ хоть что-нибудь подобное въ области сектовѣдѣнія, настолько же всякій въ правѣ ожидать всѣхъ перечисленныхъ чертъ отъ ученаго изслѣдованія, носящаго въ своемъ заглавіи „священное,—по прекрасному выраженію Шлецера,—имя исторіи“.

Впрочемъ, такое свсего рода научное кощунство со стороны г. Маргаритова, кажется, обусловливается не столько его дѣйствительнымъ неуваженіемъ къ идеалу историческаго знанія, сколько тѣми внѣшними соображеніями, какимъ данное сочиненіе обязано самымъ своимъ возникновеніемъ, — соображеніями о его практическомъ примѣненіи въ качествѣ учебника для духовныхъ семинарій, гдѣ полагается преподаваніе какъ разъ *исторіи* русскаго сектантства. Имѣя въ виду удовлетворить настоятельной нуждѣ въ учебникѣ по данному предмету, г. Маргаритовъ и озаглавилъ свою книгу тѣмъ самымъ именемъ, какое носить этотъ предметъ въ семинарской программѣ. Конечно, это обстоятельство не давало еще права при полной невозможности составить подлинную исторію называть этимъ именемъ нѣчто слишкомъ далекое отъ нея, но оно объясняетъ ту страшную смѣлость автора, впечатлѣніе которой производитъ заглавіе книги на всякаго хоть сколько-нибудь освѣдомленнаго въ современномъ состояніи нашего предмета, въ этомъ случаѣ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ непростительно неудачнымъ заглавіемъ. Разсматриваемая книга должна быть названа гораздо скромнѣй: „свѣдѣнія о сектахъ“, „обзоръ сектъ“ или еще какъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Однако это же самое обстоятельство, т. е. первоначальное назначеніе книги служить семинарскимъ учебникомъ, роковымъ образомъ вліяетъ и на ея научную цѣнность вообще, независимо отъ ея заглавія. Дѣло въ томъ, что при настоящемъ состояніи нашей науки весьма и весьма многое можетъ быть прощено учебнику по ней: вѣдь преподаваніе ея въ семинаріи далеко не имѣетъ своей цѣлью чистаго знанія, ему намѣчается тамъ непосредственно-практическая задача подготовленія къ дѣлу миссіи. Эта задача прежде всего требуетъ, чтобы учащимся была вѣрно и точно представлена каждая секта, опредѣляющее ее религіозное настроеніе,

т.-е. по мѣрѣ возможности охарактеризованъ общій обликъ. или, какъ говоритъ самъ г. Маргаритовъ (III стр.), „духъ“ ея. При неблагопріятныхъ условіяхъ, какія на лицо въ современномъ состояніи нашей науки, этимъ можно и ограничиться. И съ точки зрѣнія этого критерія учебникъ г. Маргаритова можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ: онъ обнаруживаетъ у автора нѣкоторую способность постигать общій духъ секты и точно, мѣстами даже удачно, характеризовать ее. Послѣднее имѣетъ мѣсто по отпощенію къ хлыстовству, которому г. Маргаритовъ уже давно посвятилъ спеціальную брошюру (Кишиневъ, 1899); здѣсь нельзя не отмѣтить про скальзывающаго у г. Маргаритова въ характеристикѣ мистическаго сектантства представленія послѣдняго, какъ неустановившейся формы религіозной жизни, которая по самому существу своему является непрерывнымъ и никогда неизсякаемымъ источникомъ творчества все новыхъ и новыхъ религіозныхъ формъ. Единственной неизмѣнной базой хлыстовства, по нашему мнѣнію, можно поставить лишь 12-ю заповѣдь изъ приписываемыхъ Даниилѣ Филиппову: „Св. Духу вѣрьте“, при чемъ надо имѣть въ виду, что непосредственнымъ и исключительнымъ откровеніемъ Духа Св. почитаются искусственно вызванныя экстагическія переживанія; отсюда—полный произволь „христовъ“, „пророковъ“ и даже каждаго рядового хлыста,—произволь, обусловливающий собою крайнее разнообразіе даже въ самыхъ существенныхъ сторонахъ міровоззрѣнія, культа и быта нашихъ сектантскихъ общинъ мистическаго характера. Но, несмотря на это, наши учебники, да и не только учебники, обнаруживаютъ стремленіе *всесторонне* опредѣлить эту оригинальную форму религіозной жизни, и ихъ потуги навязать, папримѣръ, хлысту-простолыдину стройно развитую систему пантеистическаго міровоззрѣнія или съ научно-литургической точностью описать элементы хлыстовскаго ритуала, производятъ прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Разсматриваемый учебникъ хотя и не свободенъ отъ этого недостатка (сущность раціоналистическихъ сектъ попрежнему полагается въ отрицаніи авторитета православной Церкви, таинствъ и обрядовъ; см., папримѣръ, 214 стр.); но все-таки менѣе страдаетъ имъ: по крайней мѣрѣ г. Маргаритовъ, на протяженіи своей характеристики хлыстовства, неоднократно проговаривается о произволѣ кормщиковъ и,

вообще, разнообразіи, царящемъ въ частныхъ общинахъ (напримѣръ, 57, 59 стр.), и даже допускаетъ возможность существенныхъ измѣненій въ самыхъ воззрѣніяхъ безъ ущерба для ихъ общехлыстовскаго характера (60 стр.).

Впрочемъ, и со стороны требованія познакомить учащихся и, вообще, читателей съ тѣмъ, что называется духомъ секты, рассматриваемая книга имѣетъ слишкомъ значительный пробѣлъ въ отсутствіи опредѣленія секты вообще; она начинается прямо съ „дѣленія русскихъ сектъ“: „Всѣ русскія секты (кромѣ старообрядческихъ) можно раздѣлить...“ и т. д.,— вотъ первыя слова книги г. Маргаритова: такимъ образомъ читатель ея остается совершенно незнакомымъ съ духомъ всѣхъ сектъ, но не въ отличіе ихъ между собой, а въ отличіе прежде всего отъ православной Церкви. Изъ приведенныхъ словъ книги получается, что старообрядческія секты по существу своему относятся къ тому же самому роду отдѣленія отъ Церкви, что и секты мистическія съ раціоналистическими, тогда какъ на самомъ дѣлѣ первыя представляютъ собою по своему происхожденію канонически квалифицированный родъ отдѣленія, именно—расколь (1-е правило Василія Великаго), а вторыя ни въ коемъ случаѣ сюда относиться не могутъ; и какъ ни трудно ихъ опредѣленіе, пужно было воспользоваться для него хотя бы попыткой Д. Граціанскаго („Миссіонерское Обзорѣніе“ 1908 г., № 8, стр. 971), которому г. Маргаритовъ слѣдуетъ въ характеристикѣ мистической и раціоналистической половинъ сектапства, а не запутывать еще больше дѣла отнесеніемъ сюда же чрезъ оговорку сектъ старообрядческихъ.

Не считая своей обязанностью всесторонне характеризовать книгу г. Маргаритова въ качествѣ учебника, мы можемъ ограничиться этимъ указаніемъ особенностей ея, имѣющихъ опредѣляющее значеніе для общаго представленія о пей, и должны были бы перейти къ разсмотрѣнію ея научныхъ свойствъ, если бы сразу же не сталкивались здѣсь съ непреодолимымъ затрудненіемъ, обусловливающимся какъ разъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ учебникомъ по предмету, отличающемуся крайней скудостью своихъ источниковъ. Обязанный удовлетворять прежде всего, какъ сказано выше, совсѣмъ особеннымъ требованіямъ, учебникъ въ такомъ случаѣ въ правѣ обходиться

безъ первоисточниковъ, ему можно простить заимствованіе свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ, но, понятно, что этимъ онъ совершенно лишаетъ себя права претендовать на какое бы то ни было, даже самое скромное научное значеніе.

„Исторія“ г. Маргаритова, говоря словами одного отзыва, „составлена по имѣющимся въ печати спеціальнымъ изслѣдованіямъ о разныхъ сектахъ и по статьямъ, во множествѣ разбѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ“. И это совсѣмъ не значитъ, чтобы въ разныхъ частяхъ своей исторіи г. Маргаритовъ излагалъ то, что уже раньше установлено соответствующими изслѣдованіями—нѣтъ: эта оригинальная „исторія“ вся цѣликомъ, сначала до конца скопирована и даже не съ изслѣдовацій, каковыхъ въ нашей наукѣ слишкомъ мало, а изъ мелкихъ журнальныхъ статей, брошюръ и т. п.—словомъ бѣглыхъ набросковъ, принадлежащихъ по большей части миссіонерскому перу. Какъ ни бѣдна наша наука непосредственными источниками, все же они есть, и, по крайней мѣрѣ изданные въ печати, могли бы быть подъ руками нашего „историка“, но онъ сознательно и упорно игнорируетъ ихъ. Перечисляя, на примѣръ, „Источники и пособія“ къ главѣ о мистическихъ сектахъ, г. Маргаритовъ совершенно не упоминаетъ: 1) первыхъ весьма плодотворныхъ, далеко не потерявшихъ и до сихъ поръ своего значенія опытовъ собранія матеріаловъ къ изученію хлыстовства и скопчества, опытовъ, предпринятыхъ В. С. Толстымъ и П. И. Мельпиковымъ и изданныхъ въ „Чтеніяхъ въ обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ“ за 1864 и 1872—73 гг. 2) книги „Борьба за вѣру“ В. Ясевичъ-Бородаевской, хотя одну статью ея изъ „Сѣвернаго Вѣстника“ приводитъ, и, наконецъ, 3) цѣлыхъ сборниковъ правительственныхъ распоряженій о сектаптахъ. Мы нарочно перечисляемъ здѣсь цѣлые сборники непосредственныхъ матеріаловъ, чтобы показать, что именно непосредственныхъ-то источниковъ и избѣгаетъ г. Маргаритовъ, руководясь лишь тѣмъ, что имѣетъ видъ уже болѣе или менѣе обработаннаго матеріала, а изъ всего того, что наиболѣе въ правѣ носить названіе первоисточника, въ указанномъ, на примѣръ, перечнѣ нѣтъ ничего совершенно, если не считать извѣстнаго сочиненія Ливанова „Раскольники и острожники“. Еще безнадежнѣе дѣло обстоитъ въ перечнѣ источниковъ и пособій къ слѣдующей

главъ — о сектѣ духоборцевъ: здѣсь указано лишь одно сочиненіе и то въ 13 стр., гдѣ сами духоборцы говорятъ о себѣ своими собственными словами („Начатки или катехизисъ духоборческаго ученія“, „Мисс. Обзорѣніе“ 1904 г., т. II, стр. 1518—1530), тогда какъ ко времени выхода въ свѣтъ разбираемой книги (вѣрнѣй ея 3-го изданія) была уже издана въ матеріалахъ В. Д. Бончъ-Бруевича (вып. II) такъ называемая „Животная книга духоборцевъ“ — важнѣйшій первоисточникъ къ характеристикѣ духоборчества.

Можетъ быть, г. Маргаритовъ считалъ лишнимъ указывать первоисточники въ своемъ учебникѣ, однако, по нашему мнѣнію, это практическое назначеніе его книги не только не извиняетъ подобнаго опущенія, но еще болѣе подчеркиваетъ его. Вѣдь и семинаристамъ приходится иной разъ самостоятельно знакомиться съ той или иной сектой помимо учебника: разумѣю случаи писанія сочиненій по сектовѣдѣнію; если ученикъ будетъ составлять свое сочиненіе на основаніи тѣхъ статей и брошюръ, къ которымъ г. Маргаритовъ рекомендуетъ обращаться всякому, „желающему всесторонне познакомиться съ извѣстной сектой“ (предисловіе), и ради нихъ совершенно оставить внѣ своего вниманія плоды религіознаго творчества самихъ сектантовъ, то вина въ такомъ, если можно такъ выразиться, научномъ развращеніи „малыхъ сихъ“ падеть исключительно на г. Маргаритова, ибо авторъ учебника, несомнѣнно, является руководителемъ и преподавателемъ.

Впрочемъ, едва ли г. Маргаритовъ представляетъ себѣ всю тяжесть подобнаго обвиненія, если рѣшается не только назвать исторіей, но и представить на соисканіе высшей ученой степени сочиненіе, составленное совершенно безъ обращенія къ первоисточникамъ. Замѣчательно, что въ томъ самомъ отзывѣ о разсматриваемой книгѣ, о которомъ мы уже упоминали, и который, какъ очень лестный для нея, полностью приводится въ предисловіи, г-ну Маргаритову сдѣлано деликатное указаніе, что его сочиненіе не представляетъ собой ученаго изслѣдованія („книга, представляющая собою, если не ученое изслѣдованіе“...). Что же внушило ему смѣлость, переставивъ первую половину ея на мѣсто второй, претендовать на высокое ученое значеніе ея новаго хотя бы „исправленнаго и дополненнаго“ изданія? Теперь рецензентъ,

обязанный характеризовать ее именно въ качествѣ ученаго сочиненія, оказывается въ совершенно безвыходномъ положеніи: вѣдь въ такомъ случаѣ можетъ существовать только одинъ критерій для оцѣнки всякаго сочиненія, это вопросъ о привлеченіи для рецензируемаго сочиненія новыхъ матеріаловъ, о постановкѣ въ немъ новыхъ тезисовъ или же внесеніи имъ новыхъ методовъ въ обосновапіе старыхъ тезисовъ. Какъ можно отвѣчать на эти вопросы по поводу „исторіи“ г. Маргаритова, если онъ не пользуется при ея составленіи даже и старыми-то уже давно добытыми источниками и не пытается самостоятельно рѣшать ея вопросы (въ видѣ исключенія онъ высказываетъ свое робкое сужденіе, и то въ подстрочномъ примѣчаніи, по такому напр., частному вопросу, какъ вопросъ о поглощеніи новохлыстовъ новоизраильтянами—стр. 63²), такъ что тезисы книги г. Маргаритова, это—не тезисы ея автора, а „тезисы“ или журнальныхъ статей, или же, въ болѣе счастливыхъ случаяхъ, окончательно установленные, какъ говорится, разжеванные болѣе или менѣе старыми изслѣдованіями положенія. Послѣ этого, очевидно, что исправлять книгу г. Маргаритова въ частностяхъ значительно бы полемизировать или съ этими учеными изслѣдованіями, уже въ свое время павшими себѣ оцѣнку, или же съ мелкими статьями и брошюрками, авторы которыхъ, конечно, очень удивились бы, встрѣтивъ строго научное отношеніе къ своимъ скромнымъ упражненіямъ,—т. е. въ обоихъ случаяхъ вся аргументація рецензента направилась бы мимо своей цѣли, и онъ оказался бы въ комичномъ положеніи сражающагося съ мельницами или усиливающагося открыть и безъ того открытую дверь.

Поэтому, я не буду затруднять вниманіе Совѣта перечисленіемъ частныхъ недочетовъ данной книги, которыхъ можно было бы указать не мало, и, считая, что вся характеристика ея научныхъ свойствъ естественно исчерпывается простой констатировкой того факта, что *ни одна изъ ея частей не представляетъ собой результата самостоятельной историко-критической работы надъ первоисточниками*, не могу въ заключеніе не напомнить азбучной истины, какую, конечно, не долженъ забывать и претендующій на высокое званіе доктора исторіи, что „историческое изслѣдованіе, не основанное на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакой

лѣнности“... и что „безъ здраваго и совершеннаго изученія оригинальныхъ источниковъ все остроуміе есть только пустая и не имѣющая значенія болтовня“ (Э. Фриманъ „Методы изученія исторіи“ стр. 99, 14). Еще почти 100 лѣтъ тому назадъ было сказано: „Многіе погрѣшали противъ Исторіи, писавши оную безъ критическаго наблюденія: *кощунствовали* они, ибо искажали истину и возмущали усопшихъ!“ (Рѣчь А. Писарева въ торж. засѣд. Общ. Исторіи и древп. Росс. 22 мая 1828 года).

Въ качествѣ конечнаго вывода рецензентъ долженъ заявить, что поданное г. Маргаритовымъ на соисканіе ученой степени доктора церковной исторіи сочиненіе, какъ совершенно не представляющее собой ученаго изслѣдованія и потому не имѣющее никакого научнаго значенія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано „соответствующимъ своей цѣли“ (§ 173 Устава Прав. Дух. Академіи“).

2) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ психологіи *П. П. Соколова*:

„Съ диссертаціей на ученую степень мы соединяемъ представленіе объ ученомъ трудѣ, составляющемъ болѣе или менѣе замѣтный вкладъ въ науку. Въ такого рода диссертаціи мы предполагаемъ самостоятельное изслѣдованіе предмета, научный методъ, критическое отношеніе къ источникамъ, новые факты или новыя точки зрѣнія на факты. Что же представляетъ собой книга, за которую г. Маргаритовъ домогается получить высшую учено-богословскую степень доктора церковной исторіи? Это скромный учебникъ сектовѣдѣнія, назначенный для начинающихъ миссіонеровъ и одобренный Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго пособия въ духовныхъ семинаріяхъ. Этотъ учебникъ не лишенъ извѣстныхъ достоинствъ; онъ написанъ въ общемъ толково и ясно и, вѣроятно, въ достаточной степени удовлетворяетъ своему назначенію. Но мы напрасно пытались бы найти въ немъ хотя-бы одинъ изъ указанныхъ выше признаковъ ученаго труда. Требованіе самостоятельности и научности изслѣдованія не примѣнимо къ этому учебнику уже потому, что въ немъ нѣтъ никакого изслѣдованія. Г. Маргаритовъ совсѣмъ не задавался, да по существу едва-ли и могъ задаваться, цѣлью критически изучить исторію русскаго сектантства по его документамъ; онъ

не пробовалъ освѣтить сектантскій бытъ и сектантскія вѣрванія на основаніи личныхъ наблюденій и точныхъ историческихъ параллелей; онъ не прибѣгалъ къ психологическому и психопатологическому анализу сектантскихъ религіозныхъ переживаній, безъ котораго возникновеніе и міросозерцаніе многихъ русскихъ сектъ остаются непонятными. Вся его работа заключалась только въ томъ, что онъ собралъ и изложилъ всѣ тѣ свѣдѣнія о сектанствѣ, какія онъ нашель въ извѣстной ему печатной литературѣ. Пасколько можно судить по его библиографическимъ указателямъ, эта извѣстная ему литература довольно обильна; но она почти сплошь имѣетъ полемическій характеръ и въ подавляющемъ большинствѣ состоитъ изъ статей „Миссіонерскаго Обзорнія“. Съ тѣмъ, что кажется непригоднымъ съ точки зрѣнія противосектантской полемки или лежитъ внѣ сферы прямыхъ интересовъ миссіонера, авторъ абсолютно не считается. Впрочемъ, и то, что могло бы имѣть миссіонерскій интересъ, не всегда принимается имъ во вниманіе. Такъ, ему какъ будто совсѣмъ неизвѣстны ни работы нашихъ психіатровъ о мистическихъ сектахъ, ни извѣстная диссертация Д. Г. Коновалова „Религіозный экстазь въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“, ни первые выпуски сектантскихъ матеріаловъ, издаваемыхъ г. Богачъ-Бруевичемъ. Отсюда становится уже совершенно яснымъ, что ни о какихъ новыхъ фактахъ или новыхъ взглядахъ въ книгѣ г. Маргаритова не можетъ быть рѣчи. Авторъ описываетъ общезвѣстные виды мистическихъ и рационалистическихъ сектъ и излагаетъ общезвѣстные свѣдѣнія о ихъ возникновеніи, распространеніи, ученіи и культѣ. Онъ классифицируетъ эти секты по обычному шаблону, принятому въ нашей противосектантской литературѣ, и повторяетъ обычныя ихъ характеристики, хотя ошибочность такихъ классификацій и характеристикъ иногда очевидна. Такъ, онъ относитъ секту „Новый Израиль“ къ разряду мистическихъ, хотя существуетъ гораздо больше основаній причислять ее къ рационалистическимъ толкамъ, и называетъ рационалистами экстатиковъ-прыгуновъ и малевачевъ, болѣзненный мистицизмъ которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Словомъ, учебное пособіе г. Маргаритова не двигаетъ впередъ науку сектовѣдѣнія ни на одинъ шагъ. Какъ же это пособіе могло быть представлено въ

качества диссертации на соискание степени доктора? Я не берусь вполне разрешить эту задачу, но, вѣроятно, нужно предполагать что-нибудь одно из двух: или г. Маргаритовъ держится чрезмерно высокаго мнѣнія о своемъ произведеніи, или онъ имѣетъ очень низкое понятіе о докторской степени. Присудить ему эту степень, разумѣется, невозможно“.

В. Отзывы о книгѣ кандидата богословія, *о. протоіеря* Московскаго Покровскаго и Василія Блаженнаго собора *Іоанна Кузнецова* подъ заглавіемъ: „Святые блаженные Василій и Іоаннъ, Христа ради юродивые Московскіе чудотворцы“, представленной на соисканіе степени магистра богословія.

1) Доцента Академіи по кафедрѣ церковной археологіи *Н. Д. Протасова*:

„Цѣлью своей работы авторъ ставитъ—„дать въ возможной полнотѣ, систематизации и научной обработкѣ сводъ различныхъ, имѣющихся въ рукописяхъ и печати, историко-агиографическихъ данныхъ о свв. блл. Василіи и Іоаннѣ“ (стр. 4).

Книга начинается съ обзора житійнаго матеріала, причѣмъ авторъ не ограничивается документами, въ которыхъ даются какія-нибудь свѣдѣнія о бл. Василіи, но останавливается и на источникахъ, никакого отношенія къ послѣднему не имѣющихъ. Это онъ дѣлаетъ, по его словамъ, „для облегченія труда позднѣйшихъ изслѣдователей о.... блаженныхъ, когда таковые явятся: они, ознакомясь по нашему труду съ указанными въ немъ рукописями, какъ съ содержащими свѣдѣнія о блаженныхъ, такъ не съ содержащими, будутъ имѣть возможность уже не записывать ихъ изученіемъ“ (стр. 4—98). За этимъ онъ даетъ обзоръ службъ, тропарей, кондаковъ бл. Василія. Здѣсь онъ также помѣщаетъ „богослужебные и историческіе сборники, противъ ожиданія, не заключающіе въ себѣ ни службы, ни тропарей, съ кондаками, ни „памяти“ бл. Василія (стр. 98—176). Въ слѣдующемъ отдѣлѣ авторъ дѣлаетъ „разборъ и замѣчанія“ на житія бл. Василія: также останавливается на рукописныхъ и историческихъ сборникахъ „противъ ожиданія, не заключающихъ

въ себѣ свѣдѣній“ о св. Василии (стр. 177—308). Затѣмъ, авторъ переходитъ къ разбору службъ Василию (стр. 308—329). Заканчивается эта первая часть книги отдѣломъ въ 70 страницъ, гдѣ авторъ излагаетъ житіе бл. Василія, говоритъ о его прославленіи, храмахъ его имени, иконахъ и о почитаніи (330—400).

Вторая часть книги, посвященная бл. Іоанну, составлена по тому же плану. Обзоръ списковъ житій, сборниковъ съ соответствующимъ матеріаломъ (403—426). Обзоръ литургійнаго матеріала (427—442). Разборъ и замѣчанія на житія бл. Іоанна (443—468). Разборъ и замѣчанія на литургійный матеріалъ (469—475). Заканчивается эта часть изложеніемъ „жизни и подвиговъ“ блаженнаго на десяти страницахъ (475—485) и „агіографическихъ свѣдѣній“ о немъ-же на девяти страницахъ (485—494): на этихъ послѣднихъ авторъ доказываетъ, что непосредственно послѣ смерти бл. Іоанна ему служились не молебны, а панихиды, что память о немъ скоро начала забываться, говоритъ объ обрѣтеніи мощей бл. Іоанна, объ имѣющихся въ Покровскомъ соборѣ въ Москвѣ иконахъ блаженнаго. Очевидно, авторъ по недоразумѣнію замѣнилъ словомъ „агіографическій“ русское названіе подобнаго конгломерата....

На первый взглядъ книга прот. І. Кузнецова производитъ довольно внушительное впечатлѣніе: 494 страницы некрупнаго шрифта (42 строки), однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что собственно къ темъ относится очень немногое.

1) Страницы 4—98 заняты каталожнымъ перечнемъ житійныхъ списковъ и текстомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

2) Страницы 98—176 спискомъ службъ и текстовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3) Страницы 403—426 заняты каталожнымъ перечнемъ и текстомъ житійныхъ списковъ другого блаженнаго.

4) Страницы 427—443 заняты подробнымъ перечнемъ списковъ службъ и ихъ текстовъ.

Итакъ, 211 страницъ изъ всей книги прямого отношенія къ темъ не имѣютъ и могли быть отнесены въ отдѣлъ приложеній.

Остальныя 283 страницы посвящены разбору и замѣчаніямъ на житійный и литургійный матеріалъ и изложенію житій блаженныхъ.

1) Страницы 177—308 заняты разбором житійныхъ списковъ бл. Василия. Этотъ „разборъ“, который авторъ называетъ *подробнымъ, впервые имъ примененнымъ* (стр. 238), представляетъ собою указанія на заимствованія писателей у Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іакова Мниха, Дамаскина, житія Теодора Эдесскаго, Лѣтвничника и у др. Какого-бы то ни было *анализа* въ собственномъ смыслѣ авторъ *не даетъ*. Такъ же отрывочны поверхностны, и безрезультатны его попытки угадать личность писателя (стр. 229—239): ничего опредѣленнаго, исторически точнаго онъ не можетъ дать.

2) Страницы 308—329 посвящены разбору списковъ службъ бл. Василия. Авторъ задается здѣсь цѣлью дать *историческій очеркъ хода образованія* службъ блаженному (стр. 308). Однако онъ ограничивается только сличеніемъ современной печатной службы съ текстомъ различныхъ литургійныхъ списковъ, указываетъ, что выпущено въ первой, что вставлено и т. д. Гелезиса авторъ не даетъ.

Подобнымъ образомъ составлены разборы житійныхъ списковъ бл. Іоанпа и службъ ему (443—475): серьезнаго, научно обоснованнаго анализа здѣсь нѣтъ. Слѣдовательно, приходится констатировать, что и на 183 страницахъ авторъ привелъ чисто-черновую, подготовительную работу надъ различнымъ рукописнымъ матеріаломъ, напечаталъ *замѣтки*, научнаго значенія неимѣющія.

Остается рассмотреть остальные 100 страницъ, которыя авторъ посвятилъ собственно темъ.

Страницы 330—365—„жизнь и подвиги св. бл. Василия“. Авторъ называетъ этотъ отдѣльчикъ *очеркомъ*; съ такимъ названіемъ согласиться трудно.

а) Дата рожденія блаженнаго Василия авторомъ не установлена (стр. 330—332).

б) Мѣсто рожденія авторъ устанавливаетъ, главнымъ образомъ, на основаніи указанія нѣкоего околочнаго Алмазова, который заявилъ о протоіерею І. Кузнецову, когда тотъ былъ приглашенъ въ Елохово для молебна, что, по преданію, блаженный родился въ той мѣстности, около владѣнія г. Сохацкаго, близъ колодца (стр. 333).

в) Отъ кого происходилъ блаженный, почему началъ и когда именно подвигъ юродства, авторъ не рѣшаетъ, хотя

посвящаетъ этимъ вопросамъ достаточно страницъ и имѣль подь руками нужнй матеріаль (стр. 334—339).

г) Ведеть пространное разсужденіе о смыслѣ юродства, его исторіи и пр., не приводя ни одной цитаты, не указывая основаній: авторъ не настолько компетентенъ въ литературѣ, чтобы можно было положиться на его слово. Онъ безапелляціонно заявляетъ, что въ XI—XIII вв. на Руси было 90 монастырей и пустынь, что юродство—русскій народный подвигъ: о протоіерей, конечно, не знаетъ, что еще въ концѣ XI вѣка въ Италіи былъ свой юродивый—Николай Пиллигримъ, который былъ канонизованъ буллою папы Урбана II отъ 1098 года. Написана была тогда-же и его икона, находящаяся теперь въ криптѣ г. Трани, надъ его мощами.

д) Авторъ передаетъ въ отрывочной формѣ подвиги блаженнаго въ Москвѣ, чаще не указывая, откуда заимствовано имъ то или другое сказаніе (стр. 349—359).

е) Годъ смерти блаженнаго Василія авторомъ не определенъ. Отдѣль о послѣднихъ дняхъ блаженнаго авторъ зачѣмъ то снабдилъ выписками изъ иностранныхъ вояжеровъ XVI—XVII вв., хотя въ нихъ нѣтъ ни слова о Василіѣ (стр. 359—365). Очевидно, и въ этомъ случаѣ онъ заботился объ удобствахъ работы будущихъ изслѣдователей...

Отдѣль въ 10 страницъ (365—375) снабженъ страннымъ подзаголовкомъ: „Прославленіе св. бл. Василія. Его канонизація и другія *агіографическія* свѣдѣнія о немъ“. Рецензентъ ошибся, думая найти здѣсь какія-нибудь дополнительные свѣдѣнія житійнаго характера: авторъ говоритъ здѣсь, при какихъ условіяхъ происходила канонизація другихъ святыхъ, когда писались ихъ иконы,—оставляетъ безъ определенного отвѣта вопросъ о времени канонизаціи Василія, путаясь въ противорѣчіяхъ о составленіи похвального слова и записи посмертныхъ чудесъ и пр. (стр. 368 сл.). Почему эти „свѣдѣнія“ названы *агіографическими*, непонятно.

Слѣдующій отдѣль о храмахъ во имя бл. Василія, *подлинникахъ* (?) бл. Василія (стр. 376—391) поражаетъ своей полной несистематичностью, наборомъ ненужныхъ, лишннихъ подробностей; вмѣсто того, чтобы перечислять, гдѣ были и есть храмы бл. Василія и его иконы, было-бы важнѣе точно опредѣлить его иконографическій типъ, указать его генезисъ и т. п. Матеріаль для этого у него былъ подь руками, а зна-

нія предполагаются пребываніемъ автора въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Подобными же чертами спѣшной, непродуманной работы отмѣченъ отдѣлъ подъ заглавіемъ— „жизнь и подвиги св. бл. Иоанна, Христа ради Юродиваго, Московскаго чудотворца“ (стр. 475—485) и „агиографическія (?) свѣдѣнія“ о немъ же (стр. 485—494).

Считая излишнимъ и невозможнымъ, въ виду указанныхъ своеобразныхъ пріемовъ автора, входить въ детальный разборъ его книги, рецензентъ позволяетъ себѣ высказать общее впечатлѣніе отъ нея.

Своей задачи—дать полный, систематическій, научно-обработанный сводъ историко-агиографическихъ данныхъ о свв. блл. Василіѣ и Иоаннѣ—авторъ не выполнилъ: предъ рецензентомъ—небрежная, черновая запись замѣтокъ, справокъ при знакомствѣ съ подлежащимъ матеріаломъ. Авторъ совершенно игнорируетъ существующую литературу о блаженныхъ, а также имѣющую значеніе пособій, разсматриваетъ житійный и литургійный матеріалъ, не справляясь съ мнѣніями другихъ изслѣдователей; вездѣ опирается исключительно на свой авторитетъ, будучи, очевидно, совершенно незнакомъ съ требованіями научнаго метода. Нельзя брать и обследовать извѣстный памятникъ безъ опредѣленія, прежде всего, исторической конъюнктуры его самого и того, о чемъ онъ говоритъ. Въ книгѣ І. Кузнецова много неяснаго, неопредѣленнаго, явно противорѣчиваго и запутаннаго именно потому, что онъ не позаботился ввести читателя въ эпоху и быть времени подвижничества блаженныхъ. Поэтому-то, весь трудъ, быть можетъ, нелегкій по просмотру подлежащаго матеріала совершенно пропалъ безрезультатно, не давъ ничего, по существу, новаго, что не было бы извѣстно доселѣ. Умѣлый изслѣдователь на основаніи того же матеріала, но другимъ методомъ далъ бы полную, исторически обоснованную монографію, уяснилъ бы причины дѣйственности жизни и подвиговъ этихъ блаженныхъ той интереснѣйшей эпохи.

Представляя все изложенное на усмотрѣніе Совѣта Академіи, я считаю долгомъ заявить, что, по моему мнѣнію, протоіерей І. І. Кузнецовъ за свою книгу въ ея настоящемъ видѣ не можетъ быть удостоенъ ученой степени магистра“.

2) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнова*:

„Въ мало разработанной наукѣ агиологіи отдѣлъ сказаній о юродивыхъ древней Руси едва ли не самый неизученный. Начать съ того, что добрая половина сказаній этого рода остается неизданной. Потомъ, въ популярной назидательной литературѣ о блаженныхъ много непровѣренныхъ сообщеній: данныя древнихъ сказаній переплетены съ народными преданіями и легендами. Научная литература крайне скудна: не имѣетъ она ни одной книги, полно и всесторонне представляющей любопытное явленіе—юродство въ древней Руси¹⁾, ни монографій, изслѣдующихъ явленіе частично. Работа о. Кузнецова первый опытъ въ этомъ послѣднемъ родѣ.

„Цѣль настоящаго труда, какъ опредѣляетъ авторъ,—дать въ возможной полнотѣ, систематизаціи и научной обработкѣ сводъ различныхъ, имѣющихся въ рукописяхъ и печати, историко-агиографическихъ данныхъ о святыхъ блаженныхъ Василии и Иоаннѣ“, и тѣмъ восполнить существующій пробѣлъ въ нашей агиологической литературѣ. Въ своей книгѣ о. Кузнецовъ даетъ двѣ отдѣльныя историко-агиографическія монографіи о каждомъ юродивомъ. Монографіи эти не одинаковаго объема: Василия 1—400 стр., Иоанна 401—494 стр., но онѣ написаны по одному и тому же плану: перечни списковъ житій, сказаній и службъ; подлинныя тексты житій въ разныхъ редакціяхъ и службъ; „краткія біографическія свѣдѣнія о блаженныхъ, найденныя авторомъ,“—помимо житій и службъ—въ другихъ рукописныхъ сборникахъ разнаго содержанія. Таковъ первый отдѣлъ обѣихъ монографій.—*матеріалы*. Второй отдѣлъ посвящается научной разработкѣ этихъ матеріаловъ, разбору и оцѣнкѣ текстовъ житій и службъ съ литературной и историко-критической сторонъ. Третій отдѣлъ содержитъ очерки жизни и подвиговъ блаженныхъ,—являющіеся выводами изъ всего предшествующаго изслѣдованія. Въ дополненіяхъ дается сводъ разныхъ редакцій подлинниковъ (иконописныхъ изображеній) съ перечнемъ замѣчатель-

¹⁾ Книга свящ. *Ковалевскаго*—Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви, 3-е изд. М. 1902 г. скорѣе популярная, чѣмъ научная работа.

ныхъ иконъ блаженныхъ Василія и Іоанна, а равно и храмовъ въ честь перваго.

І. Перечни списковъ.

Въ перечнѣ списковъ сказаній о Василіи блаженномъ (4—29 стр.) нѣтъ системы. Повидимому, авторъ распредѣляетъ списки по библіотекамъ. Но въ такомъ случаѣ надо бы строго провести этотъ принципъ, а потомъ распредѣлить и самыя библіотеки географически ли или по важности самыхъ библіотекъ или, наконецъ, по богатству списковъ житія. Ни того, ни другого, ни третьяго однако здѣсь нѣтъ. Авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ списокъ 1600 года Чудовской Четь-Минеи (Моск. Синод. Б-ки) за августъ № 317, старшій датированный списокъ полнаго житія, по которому и издаетъ текстъ житія. Но другой списокъ Моск. Син. Б-ки Милютинской Четь-Минеи почему то отнесенъ къ концу перечня подъ № 40. Четыре списка фунд. б-ки Моск. Дух. Акад., изъ которыхъ два лучшіе принадлежали б-кѣ Троицкой Сергіевой Лавры, значатся подъ №№ 16, 17, 18, 19—20, а списокъ Четь-Минеи Германа Тулунова отнесенъ гораздо дальше—№ 33 и стоитъ послѣ б-ки Холмогорскаго собора и Антопіева Сійскаго монастыря, имѣющихъ всего по одному списку. Очевидно порядокъ списковъ по б-камъ не выдержанъ. При этомъ надо отмѣтить неточности въ обозначеніи №№ рукописей: иногда это просто опечатки, за которыя отвѣчаетъ корректоръ (на 16 стр. № 27 вм. 21 или б-ки Тр. Лавры № 681 (400) вм. 681 (410), иногда же свидѣтельствуетъ объ отсутствіи системы въ обозначеніи, въ чемъ повиненъ одинъ только авторъ. Напримѣръ, списки Моск. Дух. Акад. о. Кузнецовъ обозначаетъ такъ:

16) № 383 б-ки Моск. Дух. Академіи.

Сборникъ новаго письма...

17) № 353—той же б-ки, XIX в. (переданъ изъ Моск. Синодальной).

18) № 96—той же б-ки (изъ собранія рукописей Троице-Сергіевой Лавры)...

19—20) № 32—той же б-ки и того же собранія...

При этомъ обозначеніи допущены слѣдующія неточности: при № 16 необходимо было поставить (какъ это сдѣлано при № 17) „переданъ изъ М. Синод. Б-ки“, потому что иначе